

Светлана
АЛЕШИНА

Одного поля
ЯГОДКИ

Сериал
«Александра»

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Александра

Светлана Алешина

Одного поля ягодки (сборник)

«Научная книга»

2000

Алешина С.

Одного поля ягодки (сборник) / С. Алешина — «Научная книга»,
2000 — (Александра)

Александра Данич, помощник детектива, почувствовала неладное сразу: клиентка что-то недоговаривала? Но отказать этой девушке в поиске ее старшей сестры Саша не могла. Она начинает расследование и вскоре обнаруживает труп любовника пропавшей. Чуть позже, встретившись с подругой исчезнувшей девушки и отчимом сестер, Александра приходит к выводу, что происшедшее теснейшим образом связано с трагедией, приключившейся пятнадцать лет назад. И разгадку следует искать именно там?

Содержание

Одного поля ягодки	5
Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Светлана Алешина

Одного поля ягодки (сборник)

Одного поля ягодки

Глава 1

Эта история началась в один из тех ужасных промозглых дней, когда совершенно не хочется вылезать на улицу.

И почему теперь зимы стали такими? Снег сменяется дождем, потом все это превращается в гололед – и это вместо заснеженных деревьев, вместо той зимней сказки, к которой мы привыкли с детства!

Итак, день был унылым, по земле полз туман, обволакивая собой все законное пространство, я сидела и пялилась в компьютер, пытаюсь понять, куда же братья Блюз спрятали гитару, поскольку без этой гитары меня не допускали на второй уровень. Ларионов отсутствовал в связи с архитрудным делом. То есть дело было, на мой взгляд, так себе – средним, но я была рада возможности улизнуть от служебных обязанностей, предоставив моему боссу самому разобраться с каким-то ужасно нечестным милиционером.

Так что я сидела, раздраженная тем, что так и не могла догадаться, где спрятана паршивка-гитара, и мой богатый детективный опыт мне не помогал. В остальном же сегодняшний день с его серым цветом не действовал угнетающе, как обычно. Так как я в личных отношениях с ментурой не состояла и никакого желания выслеживать гадкого опера у меня не наблюдалось, я позволила себе расслабиться.

Кстати, такие дни выпадают у нас чрезвычайно редко – куда реже, чем мне бы хотелось. Да и день уже подходил к концу – а что готовит грядущий – бог весть...

Из приятной неги меня вырвал телефонный звонок.

– Сейчас, – проговорила я, останавливая ставшую бессмысленной беготню несчастного Джейка Блюза в поисках проклятой гитары.

В порыве – ох уж эти мне призывные вопли телефона! – я задела шнур и чуть не шлепнулась на пол, но чудом сохранила равновесие и схватила трубку. – Алло, – пробормотала я.

– Поиграем, киска? – услышала я мрачный мужской голос.

Черт бы побрал эту новую службу!

– Вы не туда попали, – ответила я. – Ваши «киски» сидят на другом телефоне. Тут, представьте, монастырь кармелиток!

– Слушай, сука, я плачу по тарифу, и перестань хамить! – рассерженно молвил «рыцарь», исполненный сексуальной печали.

– Сами не хамите – папеньке пожалуюсь!

– Свою подругу найдешь в канаве и внимательно рассмотри... Тебя ожидает то же самое!

После сей загадочной фразы трубку швырнули на рычаг – как уж она, бедная, после этого сохранилась?

– О-о, – сказала я. – Кажется, хлопот с нашими соседями по телефону не оберешься!

Звонили нам теперь так часто, что хотелось оглохнуть. И требовали тех самых услуг, на которые я, признаться, не больно-то горазда. Если Ларчик откровенно забавлялся и даже предлагал мне в свободное время немного подработать, то меня это уже начинало бесить.

Особенно после сегодняшнего хамства.

А все дело в том, что какой-то сутенерше пришло в голову устроить контору, работающую по принципу «секс по телефону». И так получилось, что наш номер почти полностью совпадал с их телефоном – разница была лишь в одной цифре.

Вот мы и мучались с неведомыми нам клиентами, которые нередко начинали свои разговоры с шокирующих признаний в своей сексуальной распушенности, а потом быстро бросали трубку в ужасе оттого, что откровенничали с «левыми» людьми.

* * *

Я чувствовала, как мое раздражение растет, рискуя обрести чудовищные размеры. В конце концов, меня они уже достали! Если их паршивые клиенты будут по-прежнему звонить, да еще и разговаривать, как этот недоумок, я превращусь в распутную девицу!

– И вообще, сколько можно? Ну ладно, я смирилась с тем, что АТС упорно соединяет с нами желающих попасть в шестую горбольницу! Ну так еще и секса мне не хватало!

Я набрала номер, почти идентичный нашему.

– Аллю, – услышала я мурлыкающий голосок. – Я вся внимание. Твое имя, малыш...

– Святая Тереза, – сообщила я. – Меня очень отвлекают ваши «клиенты» от благотворительности и молитв. Если вы не сделаете что-нибудь с вашим телефоном, я буду жаловаться господам богу.

– Ох, – выдохнула девица и хихикнула. – Так это, значит, вы и есть та самая, простите, хамка, которой тут хотели отрезать язык... А мы головы ломаем, к кому он попал. И давно они вас донимают?

– Давно, – вздохнула я.

– Кошмар, – снова хихикнула девица. – Но мы-то чем виноваты? Это все АТС.

– Я им звонила, – сказала я. – Они обещали все тщательно проверить, но пока никакого результата.

– Ладно, мы попробуем.

Теперь, когда мое раздражение немного улеглось, меня начало одолевать любопытство. Судя по голосу и манере говорить, девица была отнюдь не дура.

– Однако и работка у вас, – посочувствовала я. – Манеры ваших клиентов оставляют желать лучшего!

– О, я бы вам о них порассказала, но ваш телефон в данный момент работает по счетчику.

– Ничего, босс оплатит, – спокойно ответила я.

– А кто ваш босс, что, он такой богатый? – заинтересовалась девица.

– Детектив, – не стала я скрывать этот огорчительный факт.

– Вау! – воскликнула девушка. – А я думала, у меня самая «экзотная» профессия! И вы бегаєте за убийцами, да?

– Нет, – ответила я. – Не только за убийцами. Иногда за неверными супругами.

– Катя! – услышала я зычный голос. – Тебя, между прочим, требуют...

– Ох, вы меня простите, работа, – извинилась девушка по имени Катя. – Я бы с удовольствием с вами поговорила, но дела.

– А вы звоните, когда будете свободны. Телефон отличается только на одну цифру. Первая – вместо двойки тройка.

– О'кей, – проговорила девушка. – Записала. А ваше имя?

– Александра, – сказала я. – Иногда мне, кстати, бывает ужасно скучно вечерами.

– Мне тоже, – призналась Катя и повесила трубку.

Ох, что же у меня за планида такая авантюрная? Любопытство и общительность бегут впереди моего здравого смысла, и в результате этого у меня огромное количество знакомых, и, соответственно, такое же количество приключений на собственную голову!

В тот вечер я и не знала, куда вляпываюсь благодаря этим двум моим качествам.

«Сюрприз!» – обрадованно воскликнул хитрый бесенок, стоящий за моим левым плечом, а бедный ангел за правым загрустил от предчувствия грядущей опасности.

* * *

Потом пришел Лариков.

– Все впустию, – сказал он устало. – Он все равно выкрутится...

– Ну и черт с ним, – попробовала я его утешить. – Знаешь, сколько таких?

– Но этого я мог схватить за руку, – продолжал сокрушаться Ларчик. – Ладно, прошлое дело... Что у нас нового? Ни одного приличного клиента?

– Не-а, – протянула я. – И самое печальное в том, что именно сейчас я жажду работы... Ты, кстати, не знаешь, почему клиенты появляются в тот момент, когда хочется отдохнуть, и совершенно игнорируют нас, когда есть желание поработать?

– Закон подлости, – ответил лаконично мой босс.

– А еще меня сегодня ужасно оскорбили, – вспомнила я. – Надо что-то делать с АТС и справочной! Меня уже достала эта фривольная служба «Секс по телефону». Поскольку я в этом деле крайне несведуща, я не знаю, что им отвечать!

– Учись у меня, – предложил Ларчик.

– Знаешь, я не смогу, – честно призналась я. – Так лениво и одновременно сурово изрекать в трубку: «Вы ошиблись. Это прокуратура» – я не могу.

– Тогда просто вешай трубку, – Ларчик зевнул. – Дитя, сколько у нас там времени? Не пора ли нам расстаться до завтрашнего утра?

– Ты меня выгоняешь, – радостно констатировала я.

– Если честно, мне сейчас хочется только одного. Спать. Поэтому – да. Я тебя выгоняю. И не делай вид, что ты этим недовольна!

Я и не собиралась. Наоборот, возможность пораньше удрать с работы мной только приветствовалась. Не только же Ларчик устает...

* * *

Вечер был наполнен метелью и предновогодними настроениями. Никак не могу стать взрослой барышней! Сейчас я стояла совершенно обалдевшая от золотистых шариков, которые стоили сто семьдесят пять рэ, то есть я была должна забыть о них сразу и незамедлительно, и очаровательных красных сердечек, которые были гораздо дешевле – по двенадцать рэ. Немного поборовшись с «взрослой барышней», назойливо вещающей, что у меня и так много елочных игрушек, я смело достала столтник и спустила его на означенные сердечки.

Все, мадемуазель Александрин! Денег у вас теперь ни копейки, кофе в доме нет – зато есть красные сердечки!

– Они хипповые, – пробормотала я. – И ведь они-то есть! А что из того следует? Что, глядя на них, я какое-то время буду счастлива. Можете считать меня глупой, господа присяжные заседатели, но дело уже сделано!

Домой мне ужасно не хотелось, и поэтому я забежала в гараж к моему самому лучшему на свете Пенсу.

Он пытался справиться с какой-то проблемой, в которой я совсем не разбиралась, так как проблема была связана с его драгоценным байком.

– Посмотри, какое чудо, – представила я на его суд мои сердечки.

Он бросил на них равнодушный взор и рассеянно кивнул.

– Угу, – пробормотал он, склоняясь опять над моим вечным соперником.

– А я вчера «Братьев Блюз» купила, – сообщила я, все еще надеясь привлечь его внимание.

– Угу, – снова кивнул он головой.

– Что? – переспросила я.

– Хорошо, – сказал Пенс.

– «И долго эхо вслед ему молчало», – вздохнула я и обиженно надулась. Покурила, чтобы не показать виду, до какой же степени я обиделась. И после этого поднялась.

– Ты куда? – спросил мой молчаливый до безобразия рыцарь.

– Дел по горло, – соврала я. – Мне пора домой.

– Я зайду попозже, – обрадовал он меня.

– Я спать хочу, – снова наврала я. – Поэтому сейчас дела переделаю и лягу спать. До завтра!

И прежде чем он успел отреагировать, я вышла из его «мотоубежища» и отправилась домой.

Вернее, поплелась, поскольку шла я медленно, пережевывая старательно свою обиду на все окружающее человечество, так некстати оставившее меня в одиночестве.

* * *

Дома было пусто и тоскливо. Впрочем, мне-то что жаловаться? Вот несчастный Пафнутий торчит в клетке сутки напролет, вот ему скучно...

– Так ведь, Пафни, мой маленький дружок? – спросила я попугая. Мне даже показалось – он вздохнул.

Я повесила перед ним красное сердечко и спросила:

– Ну и как? Нравится?

Пафнутий восторженно вытаращился на это яркое чудо и заходил вокруг с бормотанием: «Мило, мило...»

– Только мы с тобой понимаем красоту, Пафни, – вздохнула я. – Действительно, мило. Скоро к нам с тобой зайвится Санта-Клаус с целой упаковкой кока-колы, и в наших сердцах поселится огромная детская радость.

Пока же радости у нас не было.

Я включила «бормоталку», то бишь приемник, и улеглась с книжкой в руках на кровать. «Огромное количество женщин именно так и проводит целые дни, – подумала я. – И не морщатся от недовольствия...»

– Правда, у них от этакой скукотищи начинаются разные депрессии, – сказала я Пафнутию. – Некоторые из них и книжки не читают. Лежат себе перед теликом и всяких «Пакит» с «Селестами» наблюдают. Если честно, я бы и вовсе от такой жизни с рассудком простилась.

За окном продолжала развлекать прохожих метель. Кстати, определенный кайф мне все-таки поймать удалось. Там такие завывания, будто на улицу вылезли все на свете оборотни и вурдалаки, а я ничего себе устроилась – лежу теплым пледом закутанная и читаю. И до завтрашнего рабочего дня у меня – целая ночь. И, в конце концов, если мне станет скучно, я ведь могу позвонить своей новой знакомой Кате.

Может быть, она меня сможет отвлечь от печальных мыслей?

«Но он держал меня в руках,
Моею красотой торгуя,
Упреки, колотушки, страх —
Я все прощала, боль любую:
Бывало, ради поцелуя

Я забывала сто обид...
Доныне стервеца люблю я!
А что осталось? Грех и стыд!»

Вот – Катя мне расскажет о своей экзотической работе, а я ее утешу стихами Вийона. В конце концов, ей должны понравиться «Жалобы прекрасной оружейницы»!

Веки мои стали тяжелыми, и я закрыла глаза. Спать мне не хотелось – слишком блаженно я чувствовала себя под пледом с томиком Вийона, а сон означал приближение утра, и снова – работа, работа, работа!

И тем не менее сну удалось меня победить. Очень скоро я плыла в воздушном пространстве, на каком-то очаровательном, мягком и тепленьком облаке, неизвестно куда.

И неизвестно зачем...

* * *

Утро выдалось мрачным и тоскливым. Может быть, поэтому у меня и настроение сразу стало плохим? Кофе не помог – высыпав из банки остатки, я стала еще грустнее.

– От этакой тоски куда угодно сбежишь, – поделилась я с Пафнутием. – Даже на работу... Там и то веселее.

Пафнутий был занят своими колокольчиками, да и вообще он уже привык к одиночеству. Бедняга!

Я вздохнула.

Все привыкают к одиночеству. Даже попугаи. Люди тоже к нему привыкают. В один прекрасный момент Александра Сергеевна вот так проснется в серое и хмурое утро, и ни-ку-да ей не захочется. Нет вокруг человечества – и не надо! Переживем-с!

Однако работа ждала, и я, собравшись с силами, оделась и вышла навстречу непогоде и гололеду.

Втиснувшись в автобус, для чего мне пришлось изрядно потрудиться – народу, как всегда в сей ранний час, было много, – я поспала еще немного с открытыми глазами и через полчаса уже поднималась по лестнице куда более оптимистично настроенная, нежели раньше.

Лариков, уже знакомый с некоторыми особенностями моего утреннего настроения, варил на кухне крепкий кофе, и я остановилась на пороге, с наслаждением втягивая носом воздух, насыщенный восхитительным ароматом, от которого моя голова окончательно проснулась.

– Привет, – сказал Лариков, появляясь на пороге кухни с джезвой в руках. – Тебе звонила какая-то дама. Просила ей позвонить. У нее, кажется, возникли проблемы, но мне она ничего говорить не захотела. У тебя уже собственные клиенты?

Я взяла протянутый листок бумаги.

Телефон был тот самый, Катин.

Наверное, ей скучно. А я ей вчера так и не позвонила...

– Сначала – кофе, дела – потом, – объявила я, откладывая листок.

– Полностью с тобой согласен, – кивнул Ларчик. – Иногда я удивляюсь твоей недетской мудрости... Именно так и надо мыслить. Кофе должен всегда стоять на первом месте.

– Незачем так надо мной измываться, – обиженно заметила я. – Человек пришел сонный и замерзший, а его отправляют звонить, не дав ему согреться чашечкой кофе. А если я засну с телефонной трубкой в руках?

– Давай найдем компромисс, – предложил садист Лариков. – Ты наберешь номер, возьмешь в руки чашечку с кофе, я поставлю перед тобой пепельницу и даже зажгу тебе сигаретку. Поскольку голос у этой девицы был обеспокоенным, я чую сердцем, что ты ей нужна. Давай будем добрыми, а?

И он улыбнулся мне самой мерзкой улыбкой – такой слащавой и добросердечной сверх меры, что я почувствовала приступ легкого отвращения.

– Ты отвратителен, – сообщила я о своих чувствах. Но, увы...

Соппротивление было бесполезно. Я была вынуждена согласиться с ним.

* * *

Итак, набрав номер и сделав глоточек кофе из кружки с именем «Саша» – у Ларикова была теперь и кружка с именем «Андрюша», – я некоторое время слушала гудки, потом свободную вариацию на тему бессмертной «Бесаме мучо», и наконец я услышала голос Кати.

– Привет, – сказала я. – Это Александра.

– Привет, – ответила явно обрадованная Катя. – У меня, кажется, проблемы...

– Что-то серьезное?

– Пока еще не могу сказать. Но есть такие опасения, что без вашей помощи я справиться не смогу. Только этот разговор не телефонный. Можно я приеду?

– А вопрос личный?

– Нет, – помявшись сказала она. – Я боюсь, что это как раз по вашей части.

– Тогда приезжай в офис, – смилостивилась я. В конце концов, у нас тут кого только не перебывало... Потерпит мой невинный Лариков и распутную «оружейницу»!

* * *

Кажется, непогода за окном подошла к концу. На небе сверкало невесть откуда взявшееся солнце – оно так долго скрывалось от людских глаз, что теперь его явление воспринималось мной как праздник!

Мое настроение начало улучшаться, а кофе сотворил чудо с моими мозгами – моя голова начала проясняться.

– Ну, вот тебе, – мстительно взглянула я на Ларчика. – Кто мне говорил, что сначала дела, а уже потом кофе? Вся моя жизнь доказывает совершенно противоположное твоему дурацкому постулату! Всегда предпочтение следует отдавать кофе – этому благословенному напитку, заставляющему твой мозг работать и наполняющему твой организм спасительной энергией!

Моя тирада не произвела на Ларчика ожидаемого впечатления. Он иронично посмотрел на меня, как бы сомневаясь в благотворности пропагандируемого мной напитка, как если бы я не являлась лучшим примером этой магической благотворности, и недоверчиво хмыкнул.

– Что? – спросила я, оглядывая моего босса с невольным подозрением. – Ты хочешь сказать, что я не произвожу впечатления мыслящего человека?

– Нет, – признался он, хихикнув. – Ты куда больше похожа на человека, который мечтает о ночи, но не для сладострастия, а для банального сна.

Я как раз обдумывала, как бы этак ему ответить, чтобы за мной осталось последнее слово, но меня, увы, отвлекли. Как раз в тот момент, когда я уже почти нашла бесподобный ответ.

Я же говорю, что клиент всегда приходит не вовремя!

А настойчивый звонок в дверь свидетельствовал о том, что клиент стоит у дверей и терпеливо ожидает, когда мы соблаговолим впустить его в нашу смиренную обитель.

* * *

Открыв дверь, я удивилась.

– Здравствуйте, – сказала я, с любопытством рассматривая скромнейшее существо.

– Вы – Саша? – полувопросительно-полуутвердительно произнесла девушка.

– Да, – кивнула я. – А вы...

– Катя, – закончила она. – Я та самая, с которой вы говорили по телефону...

Наверное, вы бы тоже остолбенели. Потому как девица, работающая на таком «распутном» телефончике, оказалась больше похожа на питомицу института благородных девиц.

Ее белокурые гладкие волосы были забраны в «хвост» на затылке. На лице никакой косметики. Ясные чистые глаза небесного цвета.

Она слегка улыбнулась и спросила:

– Я могу пройти?

– Да, конечно, – пролепетала я, все еще не в состоянии переварить эту неожиданность.

Пропустив ее в комнату, я замерла в восхищении.

Теперь, когда она сняла темное пальто, я поняла, что такое «скромная красота». В каком-то старомодном платье с белым кружевным воротничком Катя являла собой образец французской изысканности. Ее фигурка была тонкой и стройной.

Вот такая пришла к нам восхитительная Катя.

А то, что она действительно восхитительная, можно было понять по округлившимся от восторга глазам моего босса, которые теперь загадочно блестели.

Более того, мой дражайший босс вскочил со стула с такой резвостью, что чуть его не опрокинул.

– Андрей Петрович, – строго сказала я. – Позвольте вам представить Екатерину...

– Андреевну, – улыбнулась она. – Только из этого совсем не следует, что я гожусь вам в дочери...

Он зарделся, как девица, и пробормотал что-то себе под нос. Судя по его поведению, скоро мне придется думать совсем одной. Поскольку мой Ларчик явно вознамерился влюбиться в «оружейницу» Катю, а, по моим опять же скромным жизненным наблюдениям, влюбленные совершенно теряют способность к аналитическому мышлению.

Увы мне, грешной! Именно я виновата в том, что мой шеф на моих же глазах теряет рассудок, и вынуждена наблюдать за этим, не в силах что-либо изменить, поскольку «телефонная распутница» Катерина, увы, так хороша собой, что не влюбиться в нее невозможно!

Если бы Лариков этого не сделал, я бы начала сомневаться в его умственных данных!

* * *

Со стороны мы являли собой умиленное зрелище. Лариков восхищенно таранился, явно забыв, кто он и почему находится тут в нашем обществе. Екатерина забавлялась моментом и мило улыбалась, впрочем, в глазах ее все равно жила неясная тревога. А я, как единственный оставшийся нормальным в нашем агентстве человек, эту самую тревогу улавливала и пыталась выяснить причины ее появления в Екатериных прекрасных очах.

– Вы учились вместе с Сашей? – спросил мой разом поглупевший босс.

– Нет, – честно ответила очаровательная распутница. – Мы познакомились недавно.

Слава богу, уточнять, где и при каких обстоятельствах мы познакомились, Катя не стала.

– Простите, Андрей Петрович, но... Я, собственно, пришла по делу. И, как мне кажется, очень срочному. Можно нам с Сашей посекретничать?

Так...

Я бросила на Ларчика торжествующий взгляд.

Ларчик, явно расстроенный таким невыгодным для его высоких чувств поворотом событий, загрустил, но был вынужден смириться. Нельзя же быть навязчивым, это может напугать юную, благонравную леди!

А я поднялась и сказала:

– Если ты настаиваешь на том, что наш разговор требует конфиденциальности...

Она неуверенно оглянулась на Ларчика и поспешно кивнула:

– Да, мне бы этого хотелось!

Я пожала плечами, этим жестом показав моему боссу, что я ни при чем, и мы прошли в маленькую комнату.

Там были журнальный столик и два кресла.

– Садись, – предложила я ей. – Что у тебя случилось?

– А можно закурить? Андрей Петрович не зайдет?

– Он не сектант, – улыбнулась я. – Зрелище женщины с сигаретой его не пугает...

Она вздохнула, и по этому едва заметному, легкому вздоху сожаления я легко догадалась, что он ей тоже пришелся по сердцу.

«Просто какая-то сплошная мелодрама, – вздохнула я. – Доблестный детектив перевоспитывает обретенную возлюбленную, работающую на «сексуально-доверительном» телефоне!»

Глава 2

Сигарета ей совершенно не подходила. Да нет, она курила очень изящно, немного вытянув губки, и в то же время сигарета была не к месту.

Такая же нелепость, как если бы закурила «тургеневская барышня». Хотя моя «барышня» работала там, где девице из хорошей семьи было просто нечего делать!

– Я тебя слушаю, – напомнила я ей о моем существовании. Больно уж она погрузилась в собственные размышления!

Вскинув на меня свои ослепительные глаза, Катя неуверенно сказала:

– Понимаешь, я просто не знаю, с чего начать... Пропала девушка, ей двадцать пять лет, и она не отличается благонравностью... У девушки есть бойфренд, с которым она собиралась отчалить в Сочи. Наверное, я бы и не задалась вопросом, куда она могла исчезнуть, если бы не одно обстоятельство... Если бы она действительно отправилась в путешествие, то наверняка прислала бы мне открытку. Но она молчит. И даже если бы она там совсем обалдела от неземного счастья, даже в состоянии эйфории, Вика прислала бы мне письмо. Хотя бы затем, чтобы чуточку похвастаться...

– Она работает в вашей фирме? – поинтересовалась я.

– Нет, что ты... Вика работает секретарем-референтом в крупной фирме, прибравшей к рукам все телевизоры и холодильники...

– А почему ты так озабочена ее судьбой? Она твоя родственница?

– Да, – кивнула Катя. – Она моя старшая сестра.

* * *

– Твоя сестра? – переспросила я. – А сколько лет тебе?

– Девятнадцать, – скромно потупилась Катя.

– И ты работаешь в этой развратной конторе?

– Да ничего она не развратная, – отмахнулась юная девица. – Она прикольная, и только. Я же в театральном учусь, мне даже надо...

– Для чего надо? Ты в порнушных фильмах сниматься собираешься?

– Нет, – фыркнула она. – У меня амплуа – травести.

– Ну вот и будешь изображать малолетних девиц, – мрачно усмехнулась я. – Ладно, чего я взялась вести с тобой душеспасительные беседы. У тебя для этих целей мама есть.

– Нет, – развела она руками. – У нас с Викой мама умерла... Может, я поэтому за нее так и волнуюсь. Потому что она – единственное близкое существо, которое у меня осталось.

– И отца нет?

– Отчим, – махнула она рукой. – Но наш отчим – это вообще отдельный и не очень приятный разговор. Знаешь, Саша, я думаю, что Вика убежала из-за него. Только она все равно прислала бы мне открытку, если бы...

Она закусила нижнюю губу.

– Если бы была жива, – едва слышно договорила она, смотря на меня с таким отчаянием, что мне стало не по себе.

– Я думаю, что ты напрасно думаешь о плохом, – постаралась успокоить ее я. – У твоей Вики были враги? Кто-то желал ее смерти? Понимаешь, не всякий человек решится на убийство. Что, Вика обещала кому-то огромное наследство? Или была застрахована на кругленькую сумму?

– Нет, что ты! Мы бедные. Самый что ни на есть неимущий слой общества... Подумай, пошла бы я работать на этот идиотский телефон, если бы мы не нуждались в деньгах?

– А Сочи? Знаешь, я неплохо зарабатываю, но о Сочи даже и мечтать не приходится...

– Так это же ее Дима обещал свозить! А у Вики финансы поют романсы. Хотя она и работает в крутой фирме, но там вечно какие-то штрафы и еще бог знает что. Больше восьмисот в месяц у нее еще ни разу не выходило.

– То есть вы живете только на то, что зарабатываете? А ваш отчим?

– Отчим... Он у нас свободный художник. Он не зарабатывает – он пропивает. А потом начинает нас воспитывать, иногда путая с маленькими детьми. Честно говоря, мне очень плохо без Вики. И я так боюсь, что она никогда не вернется.

– А когда она пропала?

– Она пропала две недели назад. Но я думала, что она просто уехала. И мне стало не по себе, потому что не было открытки. А самое главное – я видела вчера вечером мельком Димку.

– То есть он остался в городе?

– Если я не ошиблась, да.

– А ты ему не звонила?

– Звонила, – вздохнула Катя. – У него никто не отвечает. И на работе сказали, что он уже две недели в отпуске.

– Значит, тебе просто показалось...

– Наверное. Но мне все-таки не по себе... Я не могу обратиться в милицию – меня засмеют. А вчера позвонила ты. И я подумала, что это providение. И, может быть, ты сможешь мне помочь. Ведь частные детективы разыскивают пропавших людей, да?

– Разыскивают, – кивнула я. – Даже если пропавшие и не хотят, чтобы их отыскивали. Но я все-таки думаю, что ты не права.

– А если маньяк? Нам один такой звонит постоянно, говорит, что нас надо всех поубивать! Вдруг Вика стала жертвой?

– Понимаешь, Катя, тогда ее дружок позвонил бы тебе, и спросил, куда делась Вика.

– Не позвонил бы, – замотала головой Катя. – Он ко мне клеился... А я его ударила. И с тех пор он делает вид, что я не существую в природе. Так что он никогда не стал бы мне звонить.

– А отчиму?

– Тоже не стал бы. У него с нами напряженные отношения, я же сказала!

– Хорошо, попробуем найти твою неразумную сестрицу, – сказала я. – Не иголка же она в стогу сена... Даст бог, найдется.

– Я хотела бы в это верить, но... Знаешь, Саша, в последнее время меня одолевали неприятные предчувствия. У тебя так бывает – сидишь, все хорошо, по радио играет красивая музыка, а ты вдруг начинаешь плакать навзрыд? Бывает?

– Конечно, – кивнула я. – Но я не связываю эти настроения с неминуемой бедой. Просто музыка такая вот грустная и красивая...

– Да не грустная она, а связана с какими-то воспоминаниями, а воспоминания, в свою очередь, накрепко связаны с Викой. Я ей даже говорила об этом, а она смеется, хотя...

Моя юная собеседница покраснела и замялась.

– Хотя?

– Ах да. Последнее время Вика мне казалась очень нервной. Как будто она изо всех сил старается выглядеть веселой и беззаботной, но внутри у нее только тоска, которая пожирает ее. Так что я ужасно боюсь за нее, Саша! Мне почему-то кажется, что я ее больше никогда не увижу.

Ее голос предательски задрожал. «Похоже, у девочки действительно нервы на пределе, – вздохнула я про себя. – А ее сестрица наверняка просто отдыхает, нисколько не заботясь о том, что испытывает Катя. Такие вот они все, старшие сестры!»

Прервал наш задушевный разговор Ларчик, который появился на пороге с омерзительно-сладкой улыбкой. Отчего я, естественно, приуныла.

– Катя, – проговорил загадочно Лариков, смотря на несчастное дитя взглядом голодного дракона, который наконец дождался жертвы, – вы будете кофе?

По его интонации я бы, например, заключила, что мне предлагается не кофе, а яд цикуты, налитый в амфору!

Катя, естественно, была потрясена не меньше моего, и мы обе обратили наши изумленные взоры на моего вмиг поглупевшего босса.

– Что? – переспросила я. – Кофе или цианистый калий?

– Кофе, – гневно сверкнул он на меня очами.

– Так и говори с нормальной интонацией, – фыркнула я. – А то шипишь, как Каа перед Бандер-Логами.

Катя тихонько засмеялась, а на Ларчика стало жалко смотреть. Он зарделся как маков цвет, и что-то пробурчал уж совсем нечленораздельное, но явно осуждающее.

– Ты кофе, кажется, хотел принести? – ехидно поинтересовалась я. – Так тащи побыстрее. Кстати, Катя, ты производишь на молодых красавцев неизгладимое, но весьма вредное впечатление. Судя по моему боссу, работать мне придется одной. Поскольку никто не согласится работать с влюбленным сыщиком. Я не исключение.

– Какая же ты вредная девица, – прошептал Лариков, когда вернулся с кофе. – Никогда не думал, что ты можешь быть такой!

– Я умело маскировалась под ангелочка, – улыбнулась я ему.

Катя сидела, красиво скрестив свои длинные ножки, и наблюдала за моим боссом с явным интересом. Судя по этому взгляду, он ей тоже нравился.

Получалось, что я опять оставалась в гордом одиночестве, и мне от этого было ужасно грустно!

Очень скоро они уже разговаривали вдвоем, почти забыв о моем существовании, равно как и о пропавшей сестрице.

«Так что младшие сестры у нас тоже не очень-то самоотверженные, – признала я нехотя. – Стоит только увидеть молодого красавца с широкими плечами и красивыми глазами!»

Я допила кофе и тихо вышла из комнаты, дабы не мешать юной влюбленной паре.

И в этот момент я чувствовала себя такой взрослой, что самой было противно!

* * *

Итак, мой дражайший босс явно вознамерился потерять голову, и вся работа падает на мои плечи.

Хотя именно он-то и должен, подобно рыцарю, разыскать пропавшую сестру нашей красавицы. Но нет – он оставляет себе пламенные речи и трогательные вздохи, а мне предоставляется конь с доспехами, хотя я тоже, между прочим, девица молодая и не лишенная привлекательности!

Любовь, мои дорогие, иногда кажется мне неким подобием душевного заболевания – сродни кататонии, когда вместо обыденной женщины в застиранном халатике глазам влюбленного предстает принцесса, и никто не сможет доказать ему, бедняге, что у предмета его воздыханий визгливый голос или нос картошкой. Хотя голосок Кати был мелодичным, а нос ее только кретин назвал бы картошкой – он был маленьким и ровным. Так что Ларчика понять было можно – Катенька была очаровательна, как самая настоящая принцесса!

И в конце концов, он влюбляется все равно куда реже, чем это делаю я. Можно ему позволить такую слабость? Да, можно! Станет мягче и добрее. Станет отпускать меня пораньше домой, поскольку сам начнет рваться к прелестнице Екатерине!

Убедив себя в том, что нет хуже без добра и влюбленный босс куда приятнее в общении, нежели босс невлюбленный, я смягчилась и вернулась в комнату с благостной улыбкой на устах.

Они сидели, поглощенные друг другом, и улыбались совершенно идиотскими улыбками, отчего их лица стали презабавными.

– Вот какая еще мысль пришла мне в голову, – осмелилась влезть я в их романтическое общение. – Если бы я взяла и пропала, Ларчик, что бы ты сделал?

– Ты это уже делала, – напомнил мне Лариков о романтическом казусе, когда меня похитили влюбленные бандиты.

– Я про другое, – отмахнулась я. – Если бы я тебя не предупредила и пропала, ты обратил бы на этот факт внимание?

– Конечно.

– А дальше?

– Что – дальше? – вылупился на меня Ларчик в крайнем изумлении.

– Меня интересуют твои дальнейшие действия.

– Я бы позвонил тебе домой.

– А никто не берет трубку!

– Тогда я бы нашел Пенса.

– А если Пенс уехал? Или не знал бы, куда я делась?

– Сашка, ты выдвигаешь слишком много «если». Кто-то должен знать, где ты находишься, если, конечно, еще какому-нибудь бандиту не придет в голову в тебя влюбиться и похитить!

– Тебя послушать, в меня могут влюбиться только бандиты, – проворчала я. – Еще киллеры. Нормальный человек, конечно, при виде меня содрогнется от отвращения...

– Та-ак... Александрина решила впасть в незамысловатую и долгую обиду, – усмехнулся Лариков. – Ты нам не расскажешь, почему вдруг задалась вопросом о моем отношении к твоей пропаже? Собираешься исчезнуть?

– Нет, – поморщилась я. – Если сестра Екатерины пропала и с работы никто не позвонил, значит, она либо их предупредила, либо они полные козлы!

– Второе более возможно, – грустно сказала Катя. – Кажется, они ее просто уволили. Но я точно не знаю. Я туда звонила, пытаюсь выяснить, не отправили ли Вику в командировку. А они накричали на меня, сказав, что моя сестра – отвратительная нахалка.

– Придется с ними пообщаться.

– О нет, с меня одного раза хватило!

– Ничего, это я с ними буду говорить! И еще – у Вики были друзья?

– Конечно.

– Она любила посещать людные места? Дискотеки, ночные клубы?

– Кажется, они с Мариной часто бывали в одном кафе... Черт, забыла, как оно называется! Там обычно дискотека и стриптиз... Ночные, конечно.

– Марина – это ее подруга?

– Лучшая, – кивнула Катя.

– А она тоже ничего не знает?

– Нет, – покачала головой Катя. – Она говорит, что Вика собиралась уехать. Но... ей кажется, что Вику похитили.

– У нее есть для этого основания?

– Мне она ничего про это не говорила. Сказала, что надо подождать еще неделю.

– Очень странная позиция, – хмыкнула я. – Вряд ли бы я оставалась спокойной и ждала еще неделю, если бы у меня пропала подруга. Например, Эльвира. И я бы к тому же подозревала, что ее похитили. Я бы носом землю рыла, пытаюсь ее обнаружить, уже на следующий день!

– Люди разные, – философски заметила Катя. – Марина большая эгоистка. Сейчас у нее все прекрасно – личная жизнь сложилась, деньги есть, и обременять свою хорошенькую головку чужими бедами ей не хочется!

При этом Катя бросила такой многозначительный взгляд на Ларикова, что у меня появилось подозрение – в этой комнате, похоже, я единственный человек, желающий обременять себя чужими проблемами.

У остальных, уж вы меня простите, – сплошной «амор», и им не до пропавших сестер, пусть даже и родных!

* * *

Возвращаясь мысленно к Вике и ее «лучшей подруге Марине», я опять сталкивалась с непонятностью ситуации. «Она уверена, что ее похитили». И при этом – не предпринимать никаких попыток ее найти. Подождем еще неделю, а? Ведь, если человек похищен, вполне вероятно, что за эту неделю может произойти все, что угодно! Например, этого «похищенного» могут убить... Нет, я не хочу никого пугать – упаси, господь! Но сейчас похищают людей, например, маньяки...

Кстати, о маньяках.

– Кать, а тот маньяк, про которого ты упоминала?

– Какой?

– Который вам звонил на работу?

По Катиным глазам я поняла, что мое напоминание о работе было бестактным. Она опасливо взглянула на Ларчика – ох уж эти влюбленности с первого взора! – и тихо проговорила:

– Но это тут совершенно ни при чем!

– А если вас перепутали? – продолжала я нарушать правила хорошего тона. – Предположим, что маньяк этот ваш дурацкий охотился за тобой, а под руку ему попала Вика...

– Нет, это полный нонсенс! – воскликнула Катя. – Мы с Викой совершенно не похожи! Вика небольшого роста, рыженькая, с кудряшками. Да я тебе сейчас дам ее фотографию, и ты сразу поймешь, что нас никто бы не смог перепутать!

– А голоса?

– Вот голоса у нас похожи, – призналась Катя. – Нас даже часто путают по телефону.

– Так маньяк же и ориентировался на голоса! – воскликнула я.

– Не надо, – попросила Катя, и в ее глазах зажегся страх. – Только не это! Я бы предпочла, чтобы Вика просто уехала!

– Это же только версия, – пожала я плечами. – Катя, я должна отработать все версии... Сейчас у меня их как минимум десять. Начиная от самых безвредных и кончая страшными. И одна из них – «маньяковая». Всего лишь одна из нескольких.

– Катя, а ты работаешь в театре? – поинтересовался Ларчик.

Она замялась и посмотрела на меня беспомощным взглядом, ища у меня поддержки. Я забавлялась ситуацией.

– Ага, – помогла я ей. – Она в театре работает. В ма-а-леньком таком театрике. Пока еще неизвестно. Но стремительно набирающем обороты.

Кажется, у Ларчика появились подозрения, что скромное и ангелоподобное существо, явившееся в нашу «помойку», работает как раз в том месте, где телефон отличается от нашего всего-то на одну цифру! Во всяком случае, он очень долго и внимательно изучал потолок с видом первооткрывателя, только что заметившего, что наш потолок, увы, уже давно нуждается в побелке. Потом перевел свой задумчивый взгляд на меня и крякнул многозначительно. – Любовь, – назидательно и тихо прошептала я, – мой дорогой босс, не должна зависеть от идиотских условностей. Она превыше всего.

С этими словами я поднялась.

– Катя, – попросила я. – Если тебя не затруднит, составь мне список тех людей, с которыми твоя сестра сталкивалась в последнее время достаточно близко. С адресами и телефонами, естественно.

– Хорошо, – кивнула Катя. – Мне это сделать сейчас?

– Чем быстрее мы начнем действовать, тем лучше. Вообще-то тебе надо было появиться тут уже в первый день ее исчезновения. Я, в отличие от Марины, не собираюсь ждать неделю. Глупо отметать возможность опасности. Надо действовать, Катя!

– Я поняла, – вздохнула она. – Постараюсь вспомнить всех.

– И еще – наверно, мне придется прийти к вам на работу. Это возможно?

– Запросто, – рассмеялась она. – Я, правда, не пойму, чего ты привязалась к этому маньяку...

– Да вот не нравятся они мне – и все тут, – пояснила я. – И помни о всех версиях. Проверить, моя дорогая, надо абсолютно все варианты... Конечно, если нам повезет и выигрышным окажется самый первый, остальное мы откинем за ненадобностью. Но в этакое счастье мне верится с трудом!

* * *

Катерина составляла список, Ларчик занимался тем, что не сводил с нее нежного взгляда, отчего я начала уже приходить в бешенство – поскольку у меня стало закрадываться подозрение, что в связи с наступившим психическим кризисом наше детективное агентство, дабы оно не погибло, мне придется взвалить на себя, а плечи у меня довольно хрупкие.

За окном вовсю торжествовало солнце, снег искрился, отчего мое настроение улучшалось. Так и удерживалась на плаву – взгляд на босса, помутившегося в рассудке, чередовала со взглядом на божественную природу...

Наконец Катя закончила писать и с видом ученицы, сдающей контрольную работу, протянула мне листок.

Посмотрев на степень общительности Катиной сестрицы, я присвистнула:

– Ничего себе!

Если честно, мне сразу захотелось отволочь этот список в ближайшее отделение милиции с заявлением о пропаже Катиной дружелюбной сверх меры сестры и спокойно развалиться в кресле. Но по прежнему опыту я знала: уж что-что, а розыск у нас в ментуре вызывает легкое недоумение, а вот объявление... Без этого никак не обойтись!

– Андрейчик, – ласково и просительно взглянула я на босса. – Мне нужен Ванцов. – Тебе он нужен, ты ему и звони, – нахально отпарировал босс.

– Он не мне нужен, – возмутилась я. – Мы должны дать объявление, а как мы это сделаем без Ванцова? Только если сами обратимся в милицию! Ну хоть что-то ты можешь сделать?

Он тяжело вздохнул. Пододвинул к себе телефон и набрал номер. При этом смотрел на меня с такой укоризной, что я испытала почти непреодолимое желание шарахнуть его чем-нибудь по голове.

– Кажется, ты впал в заблуждение, что это только мое дело? – невинно поинтересовалась я, ловко маскируя бешенство под иронию.

– Кажется, обратились именно к тебе, – вредничал в ответ мой босс. – И еще кажется, что старший лейтенант Ванцов именно к тебе питает слабость, а меня он просто не переносит.

«И правильно делает», – чуть не ляпнула я, но вовремя удержалась.

– Это твои бредовые фантазии, – сказала я вслух с очаровательной улыбкой. – Ванцов тебя обожает.

– Ага, ни минуточки в этом не сомневаюсь, – посмел усомниться в моих словах Ларчик, но все-таки не бросил трубку, а, дождавшись ответа, приветливо спросил: – Лешка? Ни хрена бы к тебе не обратился, но меня тут замучила эта безумная девица с рыжими кудрями... Ну да. Она? Чего она от тебя хочет?

– Брака, – мрачно пошутила я.

– Она сообщила, что хочет за тебя замуж.

– Не смешно, – фыркнула я. – Какой-то у тебя уровень интеллекта пещерный. Как и остроумие!

– Она тут хамит, – довольно осклабился босс.

– Спроси его, может ли он помочь с пропавшей девушкой. Надо дать ее приметы в розыск, желательно с обращением по телевизору.

– Она требует от тебя публичного признания в любви по телевизору, – переврал все Лариков.

Я вырвала трубку у него из рук.

– Лешенька? – ласково пропела я в трубку. – Не обращай внимания на моего босса! Он немного сошел с ума. У меня серьезная проблема. Я могу с тобой встретиться?

– Конечно, Сашенька, – ответил Ванцов. – А уж о том, что рассудок Ларикова давно нуждается в отдыхе, я и без тебя догадывался! Что у тебя там случилось, моя радость?

– Помимо того, что Ларчик окончательно свихнулся? – я бросила на моего мрачного начальника выразительный взгляд. – Помимо этого у нас пропала девушка. И мне нужно, чтобы ее приметы были объявлены.

– А ее родственники обратились в милицию?

– Ее родственница обратилась ко мне. А я в свою очередь обращаюсь к тебе. Поможешь?

– Если ты или твой психанутый босс принесете мне фотографию этой девицы и ее приметы... Она давно исчезла?

– Две недели как.

– Ни фиги себе... И почто ж вы молчали?

– Не мы, Лешенька! Ее сестра. Она думала, что пропавшая в отъезде.

– Да уж. Тяжелый случай. Ну попробуем что-нибудь сделать. Когда привезешь фотографию?

– Да хоть сейчас, – сказала я, бросив взгляд на поглощенных друг другом Ларчика с Катей. – Я тут, кажется, только мешаю. Так что сейчас подброшу тебе фотографию, приметы и собственное «я». Заодно, может быть, с тобой посоветуюсь, а то на умственную поддержку моего босса рассчитывать сейчас глупо...

– А что у него там?

– Влюбился, Лешенька, – печально сообщила я. – Похоже, он застрял в пароксизме страсти, и его уровень интеллекта стремительно упал до нуля. Жди меня. Я еду.

Я положила трубку.

– За твои клеветнические измышления в мой адрес и за распространение их в стане моих личных врагов я лишу тебя премии, Александра Сергеевна! – сообщил мне наглый Лариков.

Я задохнулась от возмущения.

– Если вы, мой дорогой босс, мной недовольны, – ответила я со всей возможной холодностью, – я могу подать заявление.

– Ну нет уж! Этого ты не сделаешь! – испугался Лариков.

– Тогда терпи правду, дорогой, – усмехнулась я. – Должен же хотя бы один человек в этой кретинской конторе работать!

* * *

Уф!

Я оставила наш затхлый кабинет, вырвавшись на свежий морозный воздух.

Пусть они там предаются сомнительной страсти – я найду Катину сестрицу!

Чрезвычайно смелое заявление – поскольку вполне могло оказаться, что ее уже нет в живых.

Но это – мысль черная, а первая моя заповедь – начиная даже безнадежное дело, свято верь в удачу, и тогда ты победишь.

Где ты сейчас, Вика? Я верю в то, что ты жива. Потому что иначе я обречена на провал, а ты обречена на гибель.

Я посмотрела на ее фотографию. Говорят, что по фотографии иногда можно определить, жив человек или он уже умер. В фотографиях умерших появляется отрешенность и окаменелость. Викино личико было живым и веселым.

Если этому верить, Вика была живой. А мне ужасно хотелось в это верить! Главное сейчас – найти след странно потерявшейся Вики, один крошечный, едва заметный след... Нащупать его – та еще проблемка, но я попытаюсь. В конце концов, у меня в руках целый список людей, среди которых хотя бы один сможет помочь мне отыскать этот маленький незаметный след. А остальное... Остальное уже будет зависеть целиком от меня. От моей способности отыскивать иголку в стогу сена!

Глава 3

Добираться до прокуратуры, где коротал рабочее время Ванцов, было нелегко. Повсюду работала снегоочистительная техника, и вкупе с гололедом это было отвратительно. Поскольку мои ботинки были скользкими, я периодически съезжала прямо под нос ревущего желтого чудовища, рискуя оказаться уничтоженной им.

Поэтому, когда я, так отчаянно рискуя собственной жизнью, добралась до искомого здания, я с облегчением вздохнула.

– Здравствуйте, – доверительно улыбнулась я худому юнцу в милицейской форме, который охранял работников прокуратуры от навязчивых посетителей. – Я к Ванцову Алексею Леонидовичу.

– Сергею Леонидовичу, – сурово поправил меня охранник, взглянув в шпаргалку. – Сейчас узнаю... Ждите.

Я кивнула.

Однако он никуда не пошел и не позвонил. Просто уставился в потолок, при этом не прекращая наблюдения за мной. Наверное, я показалась ему похожей на чеченскую террористку.

– Простите, – напредила я ему о себе. – Мне очень нужен Алексей Леонидович. Мы с ним договаривались. Позвоните ему по внутреннему и скажите, что пришла Саша Данич.

– Я занят пока, – ответствовал мне парень. – И Ванцов не Алексей, а Сергей. Сколько вам можно повторять?

– Да ради бога, – махнула я рукой. – Пусть он будет Сергеем, если вам так больше нравится. Хотя еще час назад его звали Алексеем, но сейчас все так быстротечно... Люди меняют имена, пол, национальность... Так вы позвоните, или, если вы заняты, давайте это сделаю я.

– Не положено, – ответил неумолимый юноша, при этом продолжая созерцать с преувеличенным вниманием какую-то бумажку. – Сейчас освобожусь, вызову вам Сергея Леонидовича.

Я отошла от стойки и присела на подоконник.

– Вы чего это на окно уселись? – противным голосом осведомился охранник. – Вам тут не казино. Вы в прокуратуру пришли, так и ведите себя соответственно!

– А как похоже на казино, – вздохнула я. – Вы вот – вылитый крупье. У меня, кстати, времени очень мало. И Ванцов, пусть даже ставший Сергеем, меня ждет. Так что если бы вы отвлеклись на одну минуту, я была бы вам очень благодарна.

– Сойдите с окна – позвоню, – вконец обнаглел этот парень.

– Сначала позвоните, а уж потом я слезу с вашего драгоценного подоконника, – ответила я и забралась на него еще глубже. – Я вообще не понимаю, почему вы так негативно ко мне относитесь.

– Кто вас знает, – пробурчал он. – Ходите тут, а потом все взрывается!

Ну я же говорила, что он принял меня за чеченскую террористку!

– Именно таким образом все и происходит, – улыбнулась я.

– Что? – напрягся он.

– Это я о том, что ко взрыву все готово, дело за малым – убрать нахального пацана!

– Будете излишне остроумничать, никакого Ванцова вовек не дожидетесь! – сурово ответил «страж порядка».

– Ничего, – успокоила я его. – Я уже и так поняла, что пока Алексей Леонидович...

– Сергей, – поправил меня «страж», угрожающе нахмурившись.

– Алексей Леонидович, – не обратила я внимания на эту поправку, – не пойдет домой, я его не увижу. Придется дожидаться его тут до самой ночи. Если, конечно, вы не настолько

одержимы навязчивой идеей помешать во что бы то ни стало нашей встрече, что рискнете пойти на «мокрое дело».

Он вытаращился на меня, открывая рот, как рыба, вытщенная из воды.

– Саша? – услышала я знакомый голос. – Ты к кому?

Слава богу, в холл вошел раскрасневшийся с мороза Кравченко, который был другом моего босса!

– Я к Ванцову, – сказала я. – Но меня к нему не пускают!

Конечно, в тот момент я чувствовала себя ябедой, но жажда мести была сильнее добрых чувств. Мой недруг покраснел и начал бормотать что-то о том, что «чего неформалов в прокуратуру допускать», на что Кравченко, сверкнув глазами, сказал ему:

– Саша, между прочим, детектив! И если ей надо к Ванцову, надо было пустить, а если ты решил проявить бдительность, вызвал бы Ванцова сюда! Или ты боялся, что она его пристрелит у тебя на глазах?

Бедный парень так сверкал на меня глазами, что особенного труда догадаться, что сегодня, именно в этот час, Александра Сергеевна Данич нажила себе нового врага, не составляло.

Хотя я не отказала себе в удовольствии показать этому остолопу язык в тот момент, когда Кравченко «отконвоировал» меня к Ванцову!

Видели бы вы, как у «остолопа» от возмущения вытянулось лицо...

* * *

Ванцов сидел у себя.

– Привет, – сказала я. – У вас тут образовались драконовы порядки, а ты с ними не борешься!

– Я похож на идиота? – нахмурился он. – Или ты когда-нибудь подозревала меня в идеализме?

– Подозревала, – призналась я. – Ты так трогательно увлекаешься на досуге театром...

– Это не одно и то же.

– Ладно, мог бы успокоить несчастное дитя! У меня с утра день не задался. Такое ощущение, что у нас на дворе не вторник, восьмое, а пятница, тринадцатое...

– И что случилось с тобой, несчастное дитя?

– Босс влюбился, – начала я перечислять свои несчастья с самого начала, по порядку. – Потом я двадцать раз поскользнулась. Да еще этот ваш цербер с тонкой шейкой и оттопыренными ушами... Просто сплошное издевательство над личностью!

– Смени босса и ботинки, – посоветовал Ванцов. – Влюбленный босс – пропавший босс. Скользкие ботинки – риск сломать конечности...

– А этот, с ушами? Его тоже надо сменить, – не могла остановиться я. – А то я все сменяю, а ты останешься как прежде с этим чебурахнутым?

– Не вредничай, – попросил Ванцов. – Жаль мальчика.

– Ну вот и мне жаль. И босса, и ботинки...

– Тогда остаемся при своем.

– Остаемся, – согласилась я. – Лучше хорошо известное несчастье, чем невесть чем закончившееся счастье.

– Ладно, моя маленькая мудрая Тортилла! Выкладывай, что привело тебя ко мне. Что там у тебя за девица пропала?

Я достала фотографию.

– Хорошенькая, – заметил Ванцов. – Ножки очень даже ничего... И когда? Две недели, говоришь?

Я кивнула.

– Сиди тут, я сейчас...

– А с тобой нельзя?

– Знаешь, малышка, – ласково сказал Ванцов. – Лучше подожди меня здесь. Так хоть сохранишь в порядке свои нервы.

Я вздохнула. Так вот он куда собрался...

– Как-то не хочется в это верить, – призналась я.

– А мы и не будем в это верить, – усмехнулся Ванцов. – Мы просто сразу отметем плохие варианты.

С этими словами он вышел, оставив меня одну в кабинете.

Ай-яй-яй! Как был бы недоволен сим фактом верный блюститель порядка с вахты!

Мало ли что может выкинуть такой «преступный элемент», как Сашенька Данич в личном кабинете старшего следователя?

* * *

Я, к счастью своему, оптимистка. Мне не хочется верить в то, что плохое – единственное, чего стоит ожидать.

Кстати, именно поэтому меня раздражает «кармическое» сумасшествие: у меня была подруга, она объясняла все происходящие с ней несчастья этой самой кретинской «кармой».

На самом деле она просто заранее смирилась с «грядущим несчастьем». Нет уж, если быть лягушками, утопающими в сметане, я предпочту ту, которая собьет сметану в масло лапками и выберется на волю!

Впрочем, иногда случаются ситуации вроде теперешней. Когда от тебя, увы, ничего не зависит. Надо только сидеть и ждать, изо всех сил пестуя надежду, что все будет нормально.

Ванцов отсутствовал долго, и у меня начали зарождаться худшие опасения.

Чтобы побороть их, я начала расхаживать по ванцовскому кабинету.

– Когда же он появится? Черт побери, его нет уже полчаса. Где же носится Ванцов? И где все-таки может быть Вика? А вдруг Ванцов ее обнаружил среди трупов? О, нет, нет, нет!

Я напоминала взбесившегося льва в клетке, ну уж никак не спокойную и рассудительную девицу, склонную к благоразумию!

Хотите лишиться остатков разума – свяжитесь с Ванцовым...

Если человеку от дурного предчувствия, рожденного чересчур длительным ожиданием, хочется разбить окно кулаком, значит, он на последнем издыхании.

В этот момент дверь открылась, и я услышала за спиной голос Ванцова:

– Через полчаса зайдешь, ладно?

То есть пока я тут теряла рассудок, он преспокойно с кем-то договаривался о встрече!

– Сашечка, это я...

Я обернулась, уже готовая к самым худшим вестям. Он побледнел и проговорил:

– Саш, что с тобой?

– Что? – испугалась я окончательно, заметив его встревоженный вид.

– У тебя волосы поседели, – прошептал он.

Я бросилась к зеркалу.

– Где? – спросила я и тут увидела сама... клоч седых волос... Вот к чему приводят «кармические» размышления, зло подумала я, дергая за кончик этих волос. Они еще и держались плохо, потому что этот клочок остался в моих руках.

– Еще и смертельная болезнь, – прошептала я, с удивлением рассматривая клочок. – Волосы седеют и выпадают... Нет, сегодня точно пятница тринадцатое!

Я так испугалась, что думать забыла про Вику. Поднесла эту прядь, павшую с моей головы, к глазам и внимательно изучила. Мне показалось, что они еще и странно грязные, эти волосы. Да и волосы ли это? Стоп...

– Тьфу, Ванцов, – отшвырнула я эту пакость на пол. – Это просто клубок пыли. Убирался бы ты у себя в кабинете почаще...

Он понял, в чем дело, и начал отвратительно хихикать.

– И ничего смешного тут нет... Лучше скажи, что тебе удалось выяснить?

– Там ее нет, и в других моргах тоже... С такими приметами женщин не поступало.

– То есть пока она, к нашему счастью, жива.

– Или не обнаружена, – успокоил меня добренький Леша.

– Знаешь, Ванцов, чем вы меня с Лариковым умиляете оба?

– Ну, зачем же нас объединять, – начал отмежевываться от ненавистного Ларчика Ванцов. – Я к твоему «генерал-аншефу» никакого отношения не имею!

– Да ладно, – отмахнулась я. – Есть у вас одна общая черта... Умеете вовремя сказать доброе слово.

– Ты так переживаешь за эту девицу? – искренне удивился Ванцов.

– Я, мой друг, переживаю за каждого из своих клиентов. Нет, я допускаю, что ничего не случилось, девушка просто решила лихо оторваться, а сообщить сестре о том, что она жива-здорова, ей недосуг. Я это допускаю, но не особенно-то верю. По рассказам Кати, Вика ее очень любит. Они сироты, и поэтому у них особые отношения...

– Так. Ты собираешься исполнить плач на тему «обидели сиротку, отняли копеечку»?

– Копеечку отнимали у юродивого, – поправила я. – Хотя скорее всего он тоже был сиротой. И никаких плачей я исполнять не собираюсь. Так вот, Лешенька, дружок, дело все в том, что легкомысленные девицы, увы, по статистике куда чаще становятся жертвами сексуальных нападений. А Виктория у нас не самая серьезная особа на свете, судя по показаниям ее сестры. Соответственно она запросто могла вляпаться прямо в объятия какого-нибудь отвратного маньяка, хотя в это мне верить не хочется! Я понятно выражаюсь?

– Не очень. Жертвой маньяка, к твоему сведению, можешь стать и ты, хотя ты серьезная девица, на мой взгляд, даже чересчур.

– Могу, – согласилась я. – Но с меньшей вероятностью. Если ко мне, например, подойдет молодой или немолодой мужчина и, странно сверкая глазами, предложит руку и сердце, я на девяносто процентов откажусь.

– Почему на девяносто? – заинтересовался Ванцов. – А еще десять процентов ты кому оставляешь?

– Бреду Питту и Бандерасу, – вздохнула я. – Но они не маньяки...

– Я бы не стал так верить в то, что они не маньяки, – философски заметил Ванцов. – В глубине души каждый мужчина маньяк.

– Какая прелестная самокритика! – воскликнула я. – Вторая общая черта с моим доблестным сэром Ларчиком! Вы патологически не способны долго поддерживать серьезный разговор! В вашу компанию, пожалуй, вполне вписывается Пенс, который вообще ни с кем не разговаривает, и получается приблизительный портрет мужчины как он есть! А потом вы спрашиваете меня, почему у меня нет риска стать жертвой маньяка! Да я при виде мужчины рвану в другую сторону раньше, чем соображу, что передо мной всего лишь маньяк!

– Не фырчи, – поморщился Ванцов. – Просто говорить с тобой о серьезных делах противостоит. Ты слишком хорошенькая...

– Сейчас получишь, – мрачно пообещала я.

– Ах, простите, мадемуазель! Я забыл, что комплименты для вас звучат подобно оскорблениям!

– Мы вернемся к делу или как? – спросила я сурово.

- Или что. Или зачем? – не унимался Ванцов.
– Алексей Леонидович! – тихо сказала я. – Вы исполните мою просьбу?
– Исполню, – вздохнул он. – Куда я денусь?
Я поднялась.
– Ладно, буду ждать твоего звонка!
Он кивнул.
– Саш, – остановил он меня. – Не обижайся! Я тебя ужасно люблю, малышка!
– Я знаю, – улыбнулась я ему. – И не обижаюсь...

* * *

На улице шел снег. Крупными хлопьями, напоминающими крошечные облака.
– Ну-с, Александрина, – сказала я себе. – Вы же мечтали полежать на облаке! Облака спускаются прямо к вам по личной просьбе. Правда, они совсем маленькие...
Не нравилась мне эта история! Да и настроение было у меня мрачным и вялым...
В принципе можно было отказаться от этого дела – Лариков влюбился, пусть вот Лариков и ищет пропавшую сестрицу! При чем тут вообще моя скромная особа?
Тем не менее я понимала, что уже ступила ножкой на эту дорогу и теперь не остановлюсь!
Мое любопытство подгоняло меня, и еще что-то, что называется громкими словами, которые, если быть честной, я терпеть не могу! Типа того, что «Александра чувствовала ответственность за любое человеческое существо, оказавшееся в затруднительном положении!» Или – «за человеческую жизнь Александра была готова отдать свою, не задумываясь!».
Неправда, я бы задумалась, надо ли мне расставаться с собственной жизнью. В реинкарнацию я не верю и в будущей жизни собакой становиться не собираюсь. Жизнь у меня одна, как и у Вики. А вот что меня ужасно раздражает – так это то, что обязательно находится некто, который считает, что можно лишить кого-то этой самой человеческой жизни – единственной, черт его возьми!
Так что я уже, как выражается моя мамочка, «рыла копытом землю, как застоявшийся конь, и нюхала воздух, как собака-ищейка», не переставая при этом твердить молитву: «Господи, пусть я лучше ошибусь и эта глупенькая Вика жива, здорова и всего-то лишь забыла сообщить об этом своей сестре!»

* * *

– Нету Марины. На работе она.
Женщина на пороге производила впечатление человека, уже давно разочаровавшегося в человечестве в целом и ожидающего теперь подвоха со стороны отдельных его представителей. Она смотрела на меня востренькими глазками и напускала на себя вид, какой, по ее мнению, должен быть у «антelligentного» человека. То есть при совершенно злом и неодобрительном взгляде хранила на устах жалкое подобие приветливой улыбки, которая казалась мне безумной.
Ее жиденькие белесые волосы были кокетливо уложены, и еще она была очень маленькая. Может быть, она была потомком эльфов, ужасно озлобившихся на весь род людской за то, что те выгнали их из родимого леса? Во всяком случае, когда она откинула назад волосы, я увидела ее уши, и мне, честное слово, показалось, что они у нее – остроконечные! Ну не совсем такие, как у классических эльфов, но ведь она была плодом греха эльфа и полногрудой представительницы человеческой расы!
– А вы ее мать? – поинтересовалась я.
Она осмотрела меня с ног до головы, храня во взоре ледяную подозрительность, – чего это я так интересуюсь ее личной жизнью? А мне хотелось представить себе Марину. Нет, я

слышала, что даже у лилипутов рождаются высокие дети. Но насколько это распространяется на «эльфийских потомков» – я не знала.

– Ну, предположим, – наконец решилась моя собеседница. – А почему вы этим интересуетесь? Вы-то кто такая?

Если бы не стервозно-визгливые нотки, вопрос был бы задан поистине с королевским достоинством!

– Понимаете, я ищу одну Маринину подругу.

– Ну так и ищите, – разрешила мне женщина. – Я тут ни при чем. Какое я отношение имею к Маринкиным подружкам?

– Если вы ее мать, то вы могли ее видеть. Моя, например, знакома со всеми моими подругами, и иногда мне даже кажется, что она знает о них больше, чем я.

– Откуда это?

– Они очень много разговаривают. Секретничают, – объяснила я.

– Может, ей делать нечего, мамаше вашей, – презрительно фыркнула она. – А у меня делов невоворот. Да и шалавы Маринкины меня не интересуют. У меня вон сыночка, больной. У него со спиной неполадки, он работать не может. А жена, Маринка, – дуреха, ребенка родила, а кто зарабатывать будет? И никто не помогает, хоть и богатые!

От такого неожиданного поворота я застыла на месте.

– Так что ищите эту дуру на работе, – пояснила она мне свое родственное отношение к Маринке. – В магазине она работает. Косметикой торгует. А если найдете, скажите, пусть не задерживается, как обычно! А то пацана не с кем оставить.

Я могла бы предложить ей оставить пацана на неработоспособного отца. Я бы даже объяснила ей, что спина болит у очень многих людей, которые тем не менее продолжают работать. Может быть, эта самая спина болит и у ее снохи Маринки. Но тут из комнаты выкатился совсем маленький мужичка, уже окончательно заставивший меня поверить в то, что семья эта загадочная ведет род от эльфов с болот. Я и сама не отличаюсь высоким ростом, а этот парнишка едва доходил мне до плеча, и мелкие черты лица его были невыразительны, а глазки были еще злее и туманнее, чем у матушки.

– Чего ты разоралась? – ласково спросил он у достославной своей матушки. – Я спать хочу. А ты орешь, будто тебя режут...

Заметив меня, он приостановился, воззрился на меня с озлобленно-похотливым интересом и спросил, по-королевски ткнув в меня пальцем:

– А это у нас что за фря?

– Твоей Маринки подруга, – объяснила женщина.

Я начинала чувствовать себя Гулливером, попавшим к лилипутам. Это при том, что во мне метр шестьдесят с кепкой! Интересно, какого Марина роста?

– И чего надо? – с безграничной вежливостью спросил меня «супруг».

– Вы знаете Вику? – спросила я.

Так как я смотрела ему прямо в глаза, мне показалось, что на одно мгновение его мутные очи прояснились, в них даже промелькнуло подобие мысли, правда, совсем ненадолго...

– Нет, – отрезал он. – И знать Маринкиных дурных подруг не хочу. У нее только Зинка одна нормальная. Остальные все шлюхи...

По его взору не составляло труда догадаться, что я в его глазах занимаю в шеренге Маринкиных «шлюх» почетное место.

И почему я ему так не понравилась?

– Так где мне ее найти? – вновь обратилась я к этой паре с бестактно-навязчивым вопросом.

– В «Парадизе», – бросил мне, как кость собаке, ответ Маринкин супруг и, не дожидаясь моего робкого «спасибо», хлопнул дверью.

Да уж, я ему точно не понравилась! Настолько, что и сама была удивлена.

* * *

Если вы думаете, что универмаг «Парадиз» производит впечатление райского уголка, с радостной праздничностью красивых упаковок, светлыми залами и так далее, то заблуждаетесь! А вот и нетушки!

Универмаг этот – убогое заведение, которое непонятно с какой стати решило назваться Парадизом.

Несколько отделов ютилось тут, как бомжи в ночлежке, подпирая друг друга и вытесняя. За прилавками торчали симпатичные и не очень фемины с отрешенными взорами, изредка перекидываясь друг с другом фразами. Врубленный на полную мощность глас «Русского радио» с бессменным набором «нетленок» неприятно оживлял хладную молчаливость этого универмага.

Оглядевшись, я выбрала самую маленькую из продавщиц, справедливо рассудив, что именно ей выпало несчастье быть женой малорослого паренька с неприветливым нравом. Рядом с ней скучала симпатичная девица, по которой явно плакали бы баскетбольные команды, если бы не ее лишний вес.

– Здравствуйте, – улыбнулась я малышке. – Вы – Марина?

Обе девицы переглянулись, и высокая спросила:

– А какая Марина вам нужна?

– Лебедева, – сказала я, продолжая пялиться на маленькую.

– Нет, я Ксения, – сказала малышка. – А Марина Лебедева – вот.

И к моему полнейшему недоумению указала кивком на высокую девицу.

– Лебедева? Марина? Подруга Вики? – переспросила я, с трудом представляя маленького злыдня в роли супруга этой представительной леди.

– А, вы по поводу пропажи Вики, – кивнула Марина, абсолютно рассеяв все мои сомнения. – Вы, наверное, тот самый детектив, которого хотела нанять Катерина... Пойдемте.

Она вышла из-за прилавка и кивнула на дверь.

Потом, не дожидаясь меня, как королева, пошла туда первой. Судя по ее походке, она училась в школе манекенщиц.

Я засеменила за ней, почувствовав себя очень маленькой и невзрачной.

И как эту Валькирию угораздило выйти замуж за «эльфа»?

Поистине – чудны дела твои, господи!

* * *

За дверью скрывалась маленькая комната, которую можно было с одинаковой смелостью назвать и столовой, и спальней, и гримеркой.

Голос Алсу сюда долетал уже приглушенным, и можно было вздохнуть с облегчением.

– Здесь поговорить можно, – выдохнула Марина. – Хотя, если честно, я не могу понять, чего Катерина так перепугалась? Садись... Вон видишь пуфик? Там рядом пепельница... Кстати, у тебя сигареты есть?

Я кивнула, достав пачку «Монте-Карло».

– Господи, я уже год как ничего лучше «Астрала» не курю, – с горечью выговорила Марина. – Разве что когда с Викой в «Бэтмена» ходили... Ты там была хоть раз?

– Нет, – призналась я. – Времени нет.

– Ну теперь придется. Если, конечно, наша Викуля сама не объявится. Хотя...

Она тоскливо вздохнула. При таком вздохе становится сразу понятно, что «никакого светлого будущего» нам вовеки не дожждаться.

– Марин, Катя говорит, что ты не веришь в то, что Вика вернется, – осторожно сказала я, пользуясь задушевностью момента. Марина только что с наслаждением закурила и теперь находилась в состоянии полного покоя.

– Не верю, – кивком подтвердила Марина Катины слова. – Даже если наша мамзель жива и здорова, она в это болото никогда не вернется... Если она, конечно, не полная идиотка!

– А Катя говорит, что у них вполне нормальная жизнь, – соврала я с самой что ни на есть невинной улыбкой.

– Ну, если Катя так говорит, – усмехнулась Марина. – Может быть, Кате так и кажется... Вы Катю видели, так?

– Конечно.

– А знаете, где она работает?

– Знаю.

– И почему она там работает, тоже знаете?

– Она говорит, что это хорошая практика...

Я не договорила. Марина прыснула, потом не смогла сдержать хохота.

– О господи! – возвела она очи к небесам. – Я думала, что в этой компании самая большая лицемерка по части изображения на физиономии безоблачного счастья я! А эта малютка Екатерина собирает всех нас заткнуть за пояс!

– Марина, я мало знакома с Катей, если честно. И ничего про нее не знаю. Только то, что Катя сочла нужным мне рассказать.

– Да ничего она не сказала, – сердито сказала Марина. – Я бы на твоём месте послала ее куда подальше. Потому что тебя заставляют ходить по темной комнате и искать черную кошку. И ничего при этом говорить не собираются... Правда, при этом у нее хватает наглости ожидать хорошего результата... Она рассказала тебе об отчине?

– Нет, – призналась я. – А что...

– А о Салилове? – не дала мне закончить Марина. – О долге, который девицы не могут выплатить? А почему наша киска Катя отправилась изображать сильные половые страсти по телефону, тебе сказали?

Я молчала. Да уж, как-то это вошло в моду – тебя дергают, нанимают, просят помочь, а потом предпочитают молчание откровенности. Иди туда – не знаю куда, ищи то – не знаю что...

– Самое обидное, что я смогу поведать тебе совсем немного, – грустно развела руками Марина. – Только то, что мне известно от Вики. Но этого будет достаточно, чтобы ты не лезла в безнадежное дело и перестала искать того, кто не хочет найтись...

Глава 4

- С чего начать? – призадумалась Марина, созерцая небеса в окне.
- С чего-нибудь важного, – посоветовала я.
- Да там все и важное, и не очень... Полная неразбериха. Если честно, я многого не могу понять. Например, их отчим.
- Как в «Пестрой ленте», – подсказала я. – Маньяк с кнутом и ручными змеями. Хочет убить несчастных красавиц, чтобы завладеть наследством.
- Нет, что ты... Во-первых, никакого наследства им никто и не подумал оставить. Квартира принадлежит отчиму. Он, кстати, может быть, и не самый приятный человек в мире, но и не монстр с кнутом! Обычный дяденька. Маменька же, напротив, была дама с фантазиями. Очень нервная особа. Я ее и часу бы не вынесла...
- «Господи, – искренне ужаснулась я, подумав о Марине, – если вспомнить, каких типов можешь выносить ты и даже жить в их обществе, страшно представить, кем была мать Вики и Кати!»
- Словно угадав мои мысли, Марина хмыкнула и пробормотала:
- Впрочем, после моего Лешеньки и его мамочки Таечки и сия мадама ангелом покажется... Но мы уклонились от курса, тебе не кажется?
- В следствии так бывает, – ответила я. – Уклоняешься от курса, а попадаешь туда, куда надо попасть! Так что можешь уклоняться.
- Тебе как удобнее?
- Мне удобнее по порядку, – призналась я. – И чтобы ты ничего не забыла. Начиная с этих долгов. Откуда они взялись?
- От любви к шикарной жизни и ненависти к отчиму, – пояснила Марина, с наслаждением затягиваясь сигаретой. – Девочки хотели квартиру. Свою, понимаешь? Где жизнь их текла бы красиво, спокойно и в полном довольстве. Потому как они справедливо связывали свое бедственное положение с присутствием в этом мире «родственника», как они его называли.
- И насколько это было справедливым?
- Отчасти, – задумчиво сказала Марина. – Отчим просто запрещал им встречаться с «крутыми ребятами». А пока они жили в его квартире, ничего против его странных желаний они поделать не могли! Особенно это касалось Вики. Вот и началась эта история с деньгами под проценты, которые Салилов обещал помочь выплатить. Сначала все было замечательно – Салилов нашел деньги очень быстро, потом появилась маклерша... Черт, забыла, как ее звали! Такая вся напмаженная красавица с мощным бюстом и длинными ногами. Я вспомню. Если надо.
- Надо, – кивнула я.
- Значит, напрягусь. Потому что вся эта канитель совершенно омерзительная, и мне хочется, чтобы Вика вернулась. Так вот, квартира находилась на самом отшибе, в ужасном доме, из тех, где подъезды пропахли экскрементами и карболкой. Но девочки были в восторге. Несмотря на то, что цена была заломлена дикая. Квартира этого не стоила. Я не знаю, что там произошло, но только почему-то эта квартира пошла прахом, и девочки попали в большой аут. Ни денег, ни вожденной квартиры – одни долги. Вот Катюхе и пришлось пойти на телефон, а Вике – покруче. Чтобы отдать деньги.
- И ты не знаешь, что произошло? Ты ведь ее близкая подруга?
- С детства, – кивнула она. – Ближе только сестра. А иногда и сестра дальше.
- И она тебе не рассказала подробностей?
- Нет, – покачала головой Марина. – Она ходила молчаливая и мрачная, только сказала, что квартиру эту она выбьет. Слушай, как же ее звали? Эту чертову маклершу?

– А фирма какая?

– Да не было ее, фирмы этой! В том-то и дело, что Вику провели, как малое дитя! Может быть, поэтому она и не посвящала меня в подробности! Ей просто было стыдно, что она оказалась такой идиоткой!

– Хорошо, а Салилов? Он знал?

– Я с этим кретином никогда не дружила. Тут я тебе вообще ничем помочь не могу! Потому что у нас с этим сутенером все отношения свелись к «здрасьте-гудбайте». Мы в упор друг друга не видим! Так что сама с ним поговори.

– И ты не пыталась узнать у него, не знает ли он что-нибудь о Вике?

– Пыталась, – кивнула Марина. – Он меня просто послал, используя некрасивые слова. Сказал, что она его кинула на крупную сумму и он не желает слышать об этой суке. Кажется, он собирался везти ее в Сочи. Где «темные ночи». Сдается мне, везти ее туда он намеревался по делам, то есть на заработки.

Она сидела передо мной, задумчиво накручивая на пальчик белокурую прядь, и по ее взгляду было понятно, что она устала. От жизни с этим Лешей. От необходимости постоянно, с утра до ночи стоять у прилавка, ловя презрительные взгляды хорошеньких покупательниц, и зная, что у нее никогда не будет денег на приличную косметику. От своей подруги Вики и ее проблем. От Димы Салилова, который, судя по ее рассказу, полный дегенерат и хам. От моих вопросов, наконец. Ее красивое личико с правильными чертами было грустным.

– Ты могла бы быть манекенщицей, – не удержалась я.

– Могла бы, в розовом сне, – рассмеялась она. – Но я постоянно нахожусь наяву. Даже когда я сплю, мне снится, что надо заработать Николке на памперсы. Что надо сделать так, чтобы он не слушал этот попсовый кошмар, который обожает мой муж. Ты их видела?

Я кивнула.

– Значит, все понимаешь... Может быть, Вику просто ужаснула моя судьба? Случайные связи иногда приводят к кошмарным замужествам. Я не знаю, почему я еще там. Если я их убью, найдешь мне хорошего адвоката?

Ей не с кем было поговорить с того времени, как исчезла Вика.

– Может быть, тебе просто уйти? – посоветовала я.

– Как Вике? – горько усмехнулась она. – Сначала выясни, куда она ушла, ладно? А потом уж я подумаю, стоит ли мне бежать туда же...

* * *

Ничего более толкового по поводу долгов и злосчастной квартиры мне от Марины узнать не удалось. У меня создалось впечатление, что Марина слишком была занята собственными злоключениями, чтобы вникать подробно в несчастья подруги. Да, они ходили в этот идиотский кабак, чтобы развеяться, как она мне объяснила. «Эльфийское» семейство, как я и догадалась, изрядно ее доставало. Потом появилась в дверях Маринина напарница и вопросительно посмотрела на нас, давая понять, что наша беседа затянулась.

Я понимаю намеки, поэтому сразу поднялась.

– Надеюсь, что все будет хорошо, – сказала я без особой уверенности. – Если ты вспомнишь имя этой риэлторши, позвони вот по этому телефону.

Я протянула ей визитку.

Она посмотрела и кивнула:

– Обязательно...

– И не позволяй им себя обижать, – сказала я на прощание. – Ты, между прочим, куда больше их в весовой категории...

Она посмотрела на меня, пытаюсь понять значение сказанной фразы, а когда до нее дошло, что я имею в виду противных «эльфов», невесело усмехнулась.

– Тебя бы туда на денек, – уныло пробормотала она. – Поняла бы, что дело совсем не в весе.

– Ох, меня бы туда на денек, я бы их расставила в строгом порядке, – возразила я и помахала ей рукой.

Выйдя на улицу, я почувствовала, как мое настроение падает, падает, падает – не в силах подняться...

– Остается только одно, – мрачно подытожила я. – Ворваться к Катерине, прижать ее к стене и выяснить все, что эта маленькая поганка хотела от меня утаить...

И как отучить наших клиентов врать и утаивать важные сведения, раз они к нам обратились?

* * *

Раз уж по всевозможным поручениям мотаюсь я, надо потребовать машину. «Вольво», например. Пусть Лариков покупает мне машину или, на худой конец, мотоцикл. Я скромная, меня вполне устроит «Харлей»! А то мотаешься из одного конца города в другой, а потом, высунув язык на плечо, летишь в третий, с ужасом понимая, что твои мытарства еще не закончатся на этом, поскольку у Тарасова есть еще и четвертая окраина. Или пусть заставит всех людей с преступными намерениями селиться в центре города.

Хотя зимой от «Харлея» толку никакого. А волнует меня именно зимнее время, с этим ужасным гололедом, когда идешь на полусогнутых ногах, отчего становишься похожа на калеку с перебитыми конечностями. А мои частые падения? Тем более что я имею дурную привычку ударяться головой, то есть основной своей рабочей... Как это сказать? Рабочим органом, вот! У кого какой орган рабочий, у меня вот голова и ноги.

Да еще эти автобусы, которые перестают нормально курсировать, стоит только чуть-чуть испортиться погоде!

Нет уж, пусть раскошелится на машину!

Так я думала, забираясь в автобус, чтобы поехать в офис, где я надеялась еще застать Катю, – раз у них «пылкое и высокое чувство», то скорее всего она еще там. Заодно надо им помешать, потому что ангелоподобная Катерина, как выясняется, склонна ко лжи, а зачем моему боссу врушка-жена? Мы ему честную подыщем, у меня подруг много!

Пока я сидела, рассматривая в окно родной город, ставший от зимы серым, но уже прихорошившийся к Рождеству и Новому году, что давало надежду на улучшение моего настроения, я думала о Салилове и риэлторше.

Если вспомнить историю Пенса...

Как-то раз моего друга натурально «подставили», причем все было разыграно как по нотам! Не имею ли я и тут дело с тем же самым феноменом?

Салилов и Вика – так ли уж искренни были их отношения?

Нет, – ответила я сама себе. Я, например, не могу себе представить, что Пенс отправляет меня на панель. Скорее уж он сам пойдет туда, чем меня отправит!

Значит, Дима Салилов вполне мог быть главным в этой исторической драме, столь типичной для нашего времени?

Ох и гадкий же типус у меня получился в воображении из этого самого Димы!

Но...

– «Любовник возлюбленной даме под стать,

Лисице жить с лисом, а кошке с котом», – вспомнила я Вийона.

Ни к селу ни к городу, сердито подумала я. Что-то твои советы, мой Франсуа, последнее время крайне бестолковы. Разве что и Дима, и Вика одного поля ягодки.

Ладно, разберемся. По моему убеждению, разобраться можно во всем.

Автобус остановился, дверь открылась, шлепнув меня по пальцам. От неожиданной боли я дернулась, прошептала: «Мамочки...»

Даже обидеться было не на кого – сама такая глупая, подставила палец!

* * *

Они были на месте. Сидели себе спокойно и мирно, распивали кофе, и, конечно же, Лариков занимался самым что ни на есть достойным для лохов делом – утешал несчастное дитя! Дитя смотрело невинными глазками и что-то лепетало невразумительное и очаровательное.

По радио начали передавать бессмертное «Нарисуй все черным». Я включила погромче. Меня наконец заметили.

Лариков вскинул на меня глаза, исполненные удивления, а Катя проговорила:

– Какая песенка веселая!

Я зло рассмеялась.

– Она вообще-то называется «Нарисуй все черным», – мрачно сказала я.

– Почто у нас такая смурь на душе? – поинтересовался Ларчик, почувствовав, как я в данный момент раскрашиваю окружающий меня мир в черный цвет.

– А вот не коснулась нас любовь, – развела я руками, чувствуя свою вредность. – Вот промчался Амур мимо... Посему на вещи мы еще можем смотреть нормально. Без розоватых отблесков луны – увы, увы, увы!

– Что узнала? – нахально спросил мой ленивый и влюбленный босс самым что ни на есть благодушным тоном.

– Ни-че-го, – развела я руками. – Я просидела в кафе за чашечкой турецкого кофе, наслаждаясь обществом Ванцова.

– Как это?

Ну вот вам, пожалуйста! В глазах босса появилось недовольство. Ах простите, досточтимый сэр! Я совершенно забыла, что бездельничать могут лишь лорды, а нам-с, простым смертным, надо бегать по городу, отыскивая то, что так хотелось скрыть вашей пассии!

Ничего этого я, разумеется, вслух не произнесла. Вложив во взгляд как можно больше презрения, я медленно проговорила:

– Я бы хотела кое-что узнать у Екатерины. Например, что это была за афера с квартирой?

Она дернулась. Ага, значит, мы сей факт не обнародовали совсем не по забывчивости, а по странной, пока еще не понятной мне нужде!

– Но...

Она молчала, огорченно уставившись в пол, и при этом уголки ее губок начали предательски подрагивать. Бедная девочка! Попалась ей эта коварная мучительница Александра! Нет чтоб Ларчик один был! Он и вопросов бы не задавал бестактных. Кстати, он и теперь сверкал на меня очами с крайним недовольством. Я сделала вид, что ничегошеньки не замечаю, вот такая тупая попалась!

Наконец, поняв, что никто ей тут не поможет, а ответа на вопрос я жду, она подняла на меня свои печальные глаза и прошептала:

– Это давняя история. И она не имеет к этому никакого отношения.

– Катя, давай договоримся, что я буду решать, что к чему имеет отношение. В противном случае, если и дальше ты будешь продолжать скрывать какие-то моменты, я просто предложу заняться поисками сестры тебе самой. Я не могу работать, когда какие-то подробности всплы-

вают из уст посторонних людей. Это похоже на ловлю ветра и сплетен. Ты хочешь, чтобы мы нашли твою сестру?

– Да, – кивнула она, упрямо смотря в пол и не переставая теревать краешек шарфа, всем своим видом напоминая мне двоечницу, не выучившую, как всегда, урока, но надеющуюся разжалобить учительницу кротким и несчастным видом.

– Тогда рассказывай все в подробностях, – сказала я, откидываясь на спинку кресла и доставая сигарету. – Я внемлю.

– О чем рассказывать? – спросила меня «ходячая невинность».

– О своих любовниках, наверное, – вздохнула я. – Или о курсе акций на бирже... Катя, мы долго будем играть в эту непонятную игру?

– Саша, я... не понимаю!

Я устала!

Поднявшись, я махнула рукой.

– Все. Ищи Вику сама. Или вот с Ларчиком. Я больше по гололеду таскаться с дурацким видом не буду.

– Ходи с умным, – не вовремя сострил Лариков.

Ох, как бы я его сейчас... Вот этим самым подносиком, не страшась того, что чашки все по полу разлетятся!

Я вперила в него огненный, испепеляющий взгляд.

– Андрей Петрович, – холодно сказала я. – С умным видом будете разгуливать вы. А я буду тут распивать кофе с клиентами и предаваться романтическим мечтаниям. Потом, когда вы принесете мне все, что вам удалось выяснить от невразумительных свидетелей, которые куда меньше осведомлены, чем наш таинственный и загадочно молчаливый клиент, я, так и быть, постараюсь все это проанализировать. Вас это устроит?

– Александра Сергеевна, – ответил он мне в том же тоне. – Я, конечно, все это могу сделать, но возникает вопрос – зачем тогда я плачу вам деньги?

– А зачем же тогда вы их платите себе? – не растерялась я. – Тогда платите все мне, я буду молча страдать. Так как у нас с квартирным вопросом, Катя? Или мы расстаемся, предоставляя себе полную свободу от общения друг с другом?

Она смотрела на меня с таким видом, будто я собираюсь ее пытать. Вот только дыбу сейчас установлю. В общем, она явно собралась упасть в обморок. И почему ее так взволновал квартирный вопрос? Что это, запрещенная тема?

– Сашенька, – вкрадчиво начал Лариков, в глазах которого я сейчас являлась личным врагом, так как осмеливалась приставать к этому восхитительному существу. – Не кажется ли тебе...

– Не кажется, – оборвала я его.

Они меня утомили!

– Мне кажется, что мой рабочий день подошел к концу, – сообщила я, одеваясь. – Время уже шесть, а за сверхурочные мне никто не платит. Кроме того, вам и без меня тут неплохо, поскольку, как я начинаю подозревать, интерес к пропавшей Вике вас уже больше не донимает!

Вот уж поистине – «любовник возлюбленной даме под стать»!

Интересно, почему все мужчины становятся такими крестинами при виде ненатуральных женских слезок?

* * *

Я шла по улице, медленно остывая и приходя в сознание. И чего я так разозлилась? Идиотское поведение – вообще мужская привилегия! Пускай себе теряет рассудок!

Я же не могу сейчас вот так все бросить, и Вику тоже, даже если она раз в сто хуже своей сестрицы! А если ей нужна моя помощь? Кто ей поможет? Ларииков, что ли, у которого явно крыша поехала? «Куда ты поплывешь, крыша моя...»

Ну раздражают меня эти девицы, но ведь я и не собираюсь ни такой становиться, ни замуж за них выходить! Вот если бы Пенс ею увлекся...

Я даже остановилась, ужаснувшись такой идеи. О, нет!

Если бы Пенс начал увлекаться, я бы точно стала киллером!

Воспоминание о Пенсе заставило меня резко развернуться у ступенек родного своего дома.

Я повернулась и пошла в соседний – к моему единственному другу. В конце концов, сейчас я ему поплачусь в жилетку, и он что-нибудь мне скажет.

Я поднялась на его этаж, нажала на звонок.

Дверь мне открыла Пенсова матушка, которая мне подозрительно обрадовалась.

– А, Сашенька, проходи... Сережа у себя.

Я толкнула дверь, украшенную большим портретом Даймона Хилла и...

Когда они ко мне обернулись от компьютера, в который истово пилились, я почувствовала, что вот в такой момент из чистого и нежного человека запросто может родиться сушая дьяволица!

Девица, разделившая с моим Пенсом одиночество, была похожа на сушеного крокодила. Челюсть у нее резко выпирала, хотя ноги, которые она и не собиралась скрывать, были неплохими. Такие длинные, что, казалось – она своими ножищами заняла всю комнату. Самое отвратительное, что в глазах ее застыло то самое выражение, которое я только что наблюдала у Катеньки. Просто один к одному!

Такое же несчастное, такое же одинокое, такое же нуждающееся в мужской ласке и утешении существо!

– Господи, до чего все это банально и глупо, – проговорила я, выходя за дверь.

– Сашка! – заорал Пенс, вылетая за мной.

– Что? – обернулась я.

– Мы Иринке мужика ищем в Интернете, – покраснев, начал оправдываться мой неверный рыцарь, собравшийся переметнуться от меня к этому чудищу природы. – Она в депрессии, понимаешь?

– Почему? – искренне заинтересовалась я. – Потому что у нее нет мужчины? Ох, какой достойный повод!

– Саш, не все же такие, как ты!

– Ну конечно, – кивнула я. – Не все. Я допускаю эту вероятность. Я не овечка Долли, в отличие от этих сексапильных девиц... Пока, Пенс! Я, собственно, на минуту заходила... Не буду тебя отвлекать от утешительных сеансов.

– Са-ша!

Я уже вышла за дверь. Еще один... «Любовник возлюбленной даме под стать»...

Господи, куда же мне рвануть-то, чтобы утешиться? Где у нас Вика утешалась?

Я зашла в таксофон и набрала Маринин номер. Трубку взяла сначала злая «эльфийка».

– Будьте добры, пригласите Марину, – попросила я.

– Она занята, – каркнула гадкая тетка.

– Очень нужно. По работе, – нахально соврала я.

– Сейчас.

Потом из Марининой «тюрьмы» доносились какие-то крики, и наконец я услышала ее голос, по тональности которого можно было храбро догадаться, что я оторвала человека от архиважного дела – плача и стенаний. Он был глухим и грустным.

– Марин, это Саша.

– Привет, – обрадовалась Марина. – Что-то случилось?

– В общем-то... Я хотела узнать, где вы с Викой забывались?

– От чего? – не поняла меня Марина.

– От всяких неприятностей.

– Саша, не сходи с ума, – сказала испуганно Марина. – Что там у тебя? Катенька возлюбленного увела? Слушай, только не мотайся по кабакам! Давай я к тебе приеду, потому что мне сейчас самой забыться нужно.

– Давай, – признала я последний вариант идеальным. – Только забываться будем с посильным грохотом и фейерверком!

– То есть принести петарды? – слишком буквально поняла меня моя абонентка. – Я их боюсь...

– Да нет, обойдемся грохотом пробки, которая вылетит из шампанского, разбивая по дороге кучу лампочек, – пояснила я. – Я его сейчас куплю.

– Давай, а я еще чего-нибудь прихвачу... Только, Саш... Что там у тебя Катька устроила, не относишься к этому очень серьезно, ладно? Я тебе потом объясню, что к чему.

Я заверила ее, что дождусь ее живой и здоровой, и повесила трубку, не забыв продиктовать ей адрес.

Ну вот... Хорошо, что в мире не только сексуально озабоченные фемины шляются! И добрые души есть еще пока на свете...

Правда, увы, такие же несчастные, как я!

* * *

Пока «добрая душа» добиралась до меня по мрачным и безрадостным улицам, заполненным коварными хищницами, вознамерившимися похитить у меня все – и босса, и единственного рыцаря, – я купила шампанское, тщательно проверив его этикетку, потому как сейчас его было очень много левого, а если я нечаянно им отравлюсь, Пенс, чего доброго, решит, что я это сделала преднамеренно. С таким глупым уничижением своей богатой души я была в корне не согласна! Это их подружки травятся из-за мужчин, а у меня в жизни другие планы!

Я немного повеселела, решив, что каждому свое, мужчина, в конце концов, заслуживает своей избранницы, и, если Пенсу так хочется, пускай тащится с этой крокодилицей по ухабам жизни. Она ему еще покажет!

Представив себе несчастное будущее Пенса с этой кошмарной кикиморой, я окончательно развеселилась. Нет ничего слаще для брошенной и обманутой женщины, милые мои, чем те добрые минуты, когда мысленный взор показывает тебе муки, ожидающие неверного! Вот он сидит утром, завтракая какой-нибудь отвратительной пшенной кашей, а вокруг него носится в бигуди злобная крокодилица, полностью растеряв все свое жалобное обаяние, и Пенс, чтобы ее прокормить, продает возлюбленный мотоцикл, поскольку крокодилице нужно сто восемьдесят пятую сумку из крокодиловой же кожи! Я все это время, естественно, остаюсь такой же милой, чудесной, хорошенькой. И вот в один из таких кошмарных моментов напившийся с горя Пенс набирает мой номер телефона. Саша, говорит он, рыдая, я тебя все еще люблю... Давай встретимся? Сам Пенс к тому времени уже стал лысым. Да, именно так. Лысый. Серьгу из уха у него выдрала мадам, потому что она дитя истеблишмента и не позволит ему этакие фrivольности. Это же не я! Ну вот. Он лысый, в норковой шапке, которую она заставляет его носить. У него живот, а на ногах ужасные шлепанцы! Но даже в память о былых чувствах я и не подумаю связываться с таким типом! Пусть сидит со своей супружницей пожизненно.

От светлых мыслей меня оторвал звонок в дверь. Я и сама не заметила, как оказалась дома! Вот что значит благостные живописания чужих мук!

Решив, что это Марина, я раскрыла дверь с радостными словами:

– Я и не думала, что ты так быстро!

Молчание было мне ответом.

Подняв глаза, я увидела перед собой Пенса собственной персоной, еще не облысевшего и вполне поэтому пока нормального. Ну ничего, это ненадолго!

– Саша, это же наша менеджерша Иринка! – пробормотал он. – Помнишь, я тебе рассказывал?

– Угу, – кивнула я. – Ко мне тоже вот-вот должен приехать «менеджер». Нуждающийся в утешении. Доброта превыше всего, ведь так?

Я начала закрывать дверь. Он покраснел от гнева и попытался мне помешать, по-бандитски вставив ногу между порогом и дверью.

– Пенс, твоей менеджерше, кажется, достанется безногий супруг, – холодно проговорила я. – Хотя, конечно, если она не выйдет замуж в ближайшие два года, она этого уже никогда не сможет сделать. Разве что за слепого... Так что ей придется согласиться на безногого...

– Сашка, перестань, а?

– Пенс, если ты немедленно не уберешь ногу, я за последствия не отвечаю, – спокойно сообщила я, продолжая закрывать дверь. Он понял, что я твердо вознамерилась сделать его калек, и грустно сказал:

– Сашка, я буду ждать, когда у тебя просветлеет в голове...

– Думаю, тебе будет не скучно это делать в обществе менеджерши, – не удержалась я от подколки и с облегчением закрыла дверь. Какое-то время он еще стоял за ней, явно надеясь, что я не выдержу, мое сердце дрогнет, и вместе с дверью я открою ему свои объятия.

Ну уж фигурки! Не дождетесь!

Я мрачно прошествовала на кухню и занялась приготовлением ужина.

От огорчений, выпавших на мою долю за сегодняшний день, у меня разыгрался зверский аппетит. Если прибавить к этому мои творческие порывы, Марина пришла к моменту рождения самого восхитительного из когда-либо появлявшихся на этой кухне ужинов.

Нет, Пенс абсолютно глупый человек, вздохнула я, разглядывая все это великолепие из салатов, соусов и прочих вкусностей. Надо же вот так променять красавицу, умницу и вообще милую девушку, какой я, без сомнения, являюсь, на какую-то крокодилицу со слезами на глазах!

– Я никогда не смогу понять адамово племя, – печально вздохнула я, подняв глаза на застывшую в немом восхищении Марину.

Глава 5

– Вот, посмотри, – продолжала я уже за столом. – Аналитическое мышление у меня есть. Так?

– Так, – легко согласилась Марина.

– Готовлю, вяжу, знаю старофранцузский, – без всякой логической связи и крайне нескромно перечислила я свои достоинства, устанавливая бутылку шампанского в центре стола. – Кроме того, хорошенькая. Не могу сказать, что красавица, конечно, но обаяния не лишена...

– Конечно, – подтвердила Марина с готовностью и достала из своего пакета бутылку «перцовки».

– Это зачем? – вытаращилась я на бутылку.

– Она подходит нам с тобой больше, – объяснила Марина. – Шампанское напиток для праздника. А у нас с тобой – только горечь. У тебя – какая-то гюрзиха жениха из-под носа нагло тырит. У меня – муж полный кретин. У тебя босс с ума сходит. У меня подруга пропала. А она, Саш, куда лучше своей сестрицы была, ты уж мне поверь!

Она вздохнула и привычным жестом открыла «перцовку».

– Так что, – разлила она настойку по моим изящным рюмкам, – житуха у нас горестная, вот и будем хлестать «горькую».

Что-то разумное в ее рассуждениях, без всякого сомнения, присутствовало. Действительно, с какой радости нам пить шампанское? Радости не было.

– Шампанское выпьем, когда Вика найдется, – решила я. – На троих.

– Ой, у Вики тоже этот Салилов тот еще голубчик, – встрепелась Марина. – Если на Димана посмотреть, так мой Леша – ангелочек с обломанными крылышками. Этот вообще такое безобразие ходячее, что плакать хочется!

– Страшный?

– Да я бы не сказала... Даже смазливенький. Только его симпатичность у меня тошноту вызывает, честное слово! Глазки кругленькие, губки бантиком, на голове кудряшки, причем я подозреваю, что это у него химия... А Вика с него пылинки сдувала! Представляешь? И все ему прощала, козлу отвратительному.

– Кстати, ты про тетку-риэлторшу ничего не вспомнила?

– Кажется, ее звали Лена Смирнова. Или Иванова? В общем, редкая фамилия. И имя тоже. Может, она нарочно это придумала, чтобы в толпе раствориться...

– Может быть, – вздохнула я. Одуреешь искать «Лен Смирновых», потому что их огромное количество, и все они могут запросто оказаться риэлторшами...

– А ты уверена, что Вика пропала в связи с этими гнусностями вокруг квартиры?

– Да ни в чем я не уверена, – поморщилась я. – Вообще, какая-то темная история. Знаешь, сколько сейчас народу пропадает? А находят из тысячи, дай бог, одного-двух! Да и живыми не всегда... Самое гадкое дело, когда человек пропадает! Вот у бизнесменов все просто. Взорвали машину или еще как убили... Валишь все на киллера, а киллеры обычно не находятся... Они умные ребята. Да и не жалко их особенно, эту гопоту. За что, как говорится, боролись, на то и напоролись... А невинный пропавший человек – это страшно! И искать его в этих «джунглях» – ой как тяжело! А если еще и с одуревшим от любви начальником – то это вообще нонсенс!

– В Катку все влюбляются, – поведала мне Марина. – Она же у нас «ки-и-иска». Мяу! Правда, дикая киска, прикидывающаяся домашней. Коготки она выпускает – ой-ой! Тигриные! Так что твоего босса надо спасать.

– Не буду я никого спасать, – отмахнулась я. – Пусть гибнут в порочных объятиях! Мне до них никакого дела нет! Постараюсь найти эту Вику, а потом уволюсь.

– Да ты что! – с ужасом округлила на меня глаза Марина. – Куда же ты пойдешь?

– В «Секс по телефону», – брякнула я. – Раз мужчинам нравятся всякие там непристойности, то я и стану ходячей непристойностью... И пусть Пенс и Лариков на том свете отвечают за мое нравственное грехопадение!

Эта мысль мне ужасно понравилась. К тому моменту, когда мою голову посетила такая светлая мысль, мы ополовинили бутылку. Поэтому в тумане мне грезились картины кипящих котлов и прочих атрибутов «геенны огненной», в которой подвергались нечеловеческим мучениям Лариков и неверный Пенс.

Искренне вам советую, когда вас обидит какой-нибудь представитель «слабосильного» пола – представляйте себе подобные картины!

Очень приятное занятие!

* * *

Личная жизнь работе всегда ужасно мешает. Вот и сейчас – вместо того чтобы моя голова работала только на одну проблему – проблему Вики – она еще была занята всевозможными переживаниями и прочими глупостями, связанными с Пенсом. Так что я с грустью и стыдом осознала, что ничем не лучше Ларчика. Только тот погружен в блаженную нирвану, а я мечусь в приступе клаустрофобии и ищу выход на воздух.

– С этим надо кончать, – пробурчала я, ужасно разозлившись на саму себя. – Вот только каким образом?

Марина посмотрела на часы и издала возглас:

– О-о!

После чего вскочила и, разом потеряв свою монументальность Валькирии, начала собираться.

– Марин, ты что? – спросила я.

– Время, – простонала она, указывая трагическим жестом на часы. – Кольку надо укладывать! Меня этот паразит убьет!

– Ты в два раза больше его, – заметила я. – Вполне можешь со всего размаху стукнуть по лысине!

Она фыркнула и, несмотря на то, что моя идея явно пришлась ей по вкусу, отвергла ее:

– Я его могу убить нечаянно. Тогда бедный малышка сиротой останется. Я-то в тюрьму сяду... Нет уж, мы еще чуток потерпим, а потом весело покинем это пристанище жалобных дегенератов.

– Спасибо, что пришла...

– Знаешь, Саша, мне без Вики очень плохо, – призналась она. – Одиноко. Поговорить не с кем... Так что это тебе – спасибо!

И уже на пороге, развернувшись, она чмокнула меня в щеку.

Слава богу, хоть один свидетель мне попался симпатичный!

* * *

Оставшись одна, я уже чувствовала себя вполне спокойной. Я даже заснула легко и приятно, как малое дитя, погружаясь в сон, как в пушистое облако.

Что уж мне снилось, я и не помню. Ничего существенного – что-то вроде новогодней елки, увешанной красненькими сердечками. Поэтому я проснулась с радостной готовностью принять от сегодняшнего дня все, что он мне сулит.

Включив приемник, я сварила кофе и начала одеваться. Джинсы, свитер... Посмотрев в окно, я присвистнула. Земля казалась мне сплошным катком. Если бы я писала сценарии для

фильмов ужасов, непременно написала бы что-нибудь о гололеде. И начинался бы он именно так – девушка, проснувшись утром, смотрит в окно и видит сверкающую поверхность. Во всем этом есть что-то ужасное, как предчувствие грядущей беды.

А что дальше – я еще не придумала...

Я выпила кофе и включила телевизор.

– В Тарасове плюс пять, – сообщила мне безмятежно барышня с гладенькой прической, подчеркивающей безупречные черты ее личика.

– Не радуется, – вздохнула я. – Уже декабрь, между прочим.

Я нажала пальцем на кнопку, и барышня исчезла. Еще раз – и она появилась.

Ах, Вика, если бы вот так же можно было поступить и с тобой! Нажать на кнопку и увидеть, как ты появляешься из крошечной темноты...

* * *

Пришла девица на работу – а там все та же дребедень... Вот так человек и становится поэтом! Бездна надежды и пустота бытия сами собой рожают рифмы, и, хотя по большей части у меня получались верлибры, я не теряла надежды, что в конце концов смогу вырасти в Артюра Рэмбо!

Так вот, я пришла на работу и застала там все ту же картину – мой босс, исполненный как и вчера, романтических иллюзий, сидел в кресле. Ноги свои длинные он возложил на наш шаткий журнальный столик, который и без его ног встречал любое дуновение ветерка с тяжелым стоном, держал в руках чашечку кофе и вперял (именно вперял!) взор в заоконную серость. Наверное, он там видел что-то чрезвычайно восхитительное, поскольку на его губах застыла блаженно-идиотская улыбочка. Не сомневаюсь, что там витала наша Катя.

– Привет, – бросила я ему без излишней теплоты.

– Привет, – оторвался он от созерцания немыслимых красот. – Тебе звонил Ванцов. Просил перезвонить. У него до вашего высочества какое-то срочное дело...

Судя по обиде в голосе, нескромное желание Ванцова говорить о делах именно со мной его очень огорчило.

– Спасибо, – сделала я вид, что обиды его не почувствовала.

Прошествовав к своему рабочему месту, я набрала номер Ванцова.

Там было занято – увы, закон подлости действует так же постоянно, как и физические законы!

Я положила трубку. Значит, Салилов... Дома его днем не застать, да и вообще неясно, застанешь ли его дома? И где же мне вас искать, месье?

Обдумать этот вопрос мне не дал бестолковый босс.

– Ну? – спросил он. – Что от нас хотел этот невыносимый Ванцов?

– Вполне выносимый Ванцов, – отпарировала я. – Не знаю, чего он от МЕНЯ хотел. Поскольку сейчас у него занято...

– Весь день будет занято, – хмуро напрогнозировал доморощенный Нострадамус.

– Ничего, я прорвусь, – оптимистично заверила его я.

– Ну прорывайся, – вяло согласился с моим энтузиазмом Ларионов.

Я послушалась, набрав ванцовский номер снова.

На этот раз мне повезло.

– Да, Ванцов слушает, – раздался его зычный бас.

– Это Александра, – представилась я. – И что ты от меня хотел?

– Я все отдал, сегодня будет объявление по телевизору и радио. А она очень хорошенькая...

– Спасибо, ты настоящий друг.

– Не совсем, – признался он. – Я друг, не лишенный корысти. Ты говорила мне, что любовником этой девушки является некий Салилов. Так?

– Так.

– А зовут его Дмитрием?

– Именно. Только его, похоже, «Митькой звали».

– У тебя проблемы?

– Одна, – кивнула я. – Как этого Салилова найти?

– «Санса», – сказал Ванцов.

– Что? – не поняла я. – Какая санса?

– Фирма, – пояснил он. – По продаже унитазов и прочей сантехники... Он там работает менеджером по продажам.

– Слушай, ты не оценим, – восхищенно призналась я. – Так что у тебя за нужда, связанная с Салиловым?

– Личность у него увлекательная, этакая «темная лошадка». Не могу к этому парнишке подступиться! А его имя постоянно всплывает то тут, то там... И дела все мерзопакостные – то наркотики, то проституция, то торговля людьми... Например, фирма по вывозу наших девиц за границу. Якобы танцевать в кабаре. Все время натыкаюсь на имя Салилова, а он выскальзывает... Как угорь. У него всегда алиби, он вечно чист и выходит сухим из воды.

– Ты нарисовал портрет какого-то закоренелого мерзавца, – призналась я. – У меня и раньше-то никакого желания с ним встречаться не было, а уж теперь и подавно...

– Сашенька, золотая моя крошечка, вот я тебя об этом и хочу попросить... Чтобы ты, переступив через законное отвращение, все-таки повстречалась с ним и очень осторожно прощупала не только относительно его подруги Вики, но и его «левых» делишек.

– Слушай, Леш, – осенило меня. – А Викино исчезновение не может быть связано напрямую с этими пакостями?

– Может быть и так.

– Ладно, я пошла разыскивать Салилова. Буду его старательно обольщать.

Записав адрес фирмы, я пропела победную песнь и не без легкого высокомерия посмотрела в сторону моего вконец растерянного босса.

– Ну? – вкрадчиво поинтересовался он.

– Кажется, ты работаешь с Катенькой, – не удержалась я. – Вот и продолжай. Все-таки любопытно, что там произошло с квартирой... Может быть, она во сне проговорится?

* * *

На улице, увы, ничего к лучшему не изменилось. Ни солнца не появилось, ни снега, ни мороза... Слякоть и гололед.

Чуть не упав, я хмыкнула. Неплохо в довершение к вашим несчастьям свалиться в эту лужу, драгоценная Александрина!

Кажется, моя жизнь явно решила удивить меня мрачными красками.

Тем не менее до сантехнического рая я добралась, и слава богу!

Охранник – кажется, эта профессия в последнее время становится весьма популярной! – встретил меня с подозрительностью, к которой я уже успела привыкнуть. Видимо, что-то в моей внешности наводило на мысли о том, что я явилась сюда с целью похитить парочку раковин и унитазов!

– Добрый день, – обаятельно улыбнулась я.

– Здрасьте, – буркнул в ответ охранник, который остался равнодушен к моим чарам.

– А Диму Салилова можно увидеть?

– Нет, – отрезал охранник. – Ваш Дима уже вторые сутки не появляется на работе.

– Отпуск? – спросила я.

– Нет. Отпуск у него кончился. Прогулы. Хрен его знает, где он мотается... Дома у него никто не отвечает.

– А где он живет?

– Недалеко отсюда. Во-он дом стоит. Видите?

Я увидела. Обычный, серый, каких полно на свете.

– Сто пятьдесят вторая квартира. Только нет его. Второй день туда ходим, пытаемся понять, куда он подевался.

Я поблагодарила его за сведения. Мало надежды, что мне обломится удача, если доселе она не спешила на встречу со мной!

* * *

Поднявшись на восьмой этаж, я добросовестно понажимала на кнопку и, не дождав-
шись в ответ ни слова приветия, решила на экстремальные меры.

Так как я очень интересовалась личностью Димы, а он совершенно не проявлял ответного интереса, я твердо вознамерилась все-таки получить о нем максимум сведений, хотя бы из альбома с детскими фотографиями.

Барышня я рискованная и склонная к криминальным действиям. Вот оно, тлетворное влияние разных там Лариковых... Была скромная девица, читала себе стихи... Впрочем, любимый поэт у нас был, увы, по нынешнему понятию, уголовником, вот, наверное, и на нашу психику повлиял.

Поэтому я без зазрения совести вставила в замочек одну из моих отмычек, подаренных мне Ванцовым, и, стараясь не шуметь, дабы не привлечь к себе внимания, проникла в квартиру.

А как я только туда проникла, так сразу и поняла, что очень зря я это сделала. Не самая хорошая мысль пришла мне в голову, да и чего от такой планиды ожидать?

Дело в том, что стоило мне оказаться внутри, как в нос мне ударил такой запах, что я зажала его двумя пальчиками. Можно было сразу догадаться, что дело тут, извините, нечисто, и надо уходить, но я упрямая, как ослик. Поэтому я шагнула дальше, проклиная идиотскую привычку хозяина квартиры прятаться от реального мира за тяжелыми, темно-зелеными гардинами.

Впрочем, в спальне я обнаружила и самого хозяина. То есть то, что от него осталось.

А осталось от него только полуодетое тело, вальяжно развалившееся на огромном сексодроме в весьма экстравагантной позе и с бессмысленной улыбкой на лице. Здесь запах был и вовсе омерзителен, и я достала из кармана носовой платок, пытаюсь с его помощью хоть немного защититься от тошноты.

Никаких сомнений в том, что этот парень с проломленным черепом и есть Дмитрий Салилов, у меня в тот момент не возникло.

Недалеко от кровати валялась на полу увесистая ваза с двумя ручками, а еще поодаль – что-то загадочно блестело. Нагнувшись, я подняла с пола маленький медальон. Нажав на замочек, я открыла его и увидела локон. Трогательно, черт побери! Как в старинных английских поместьях – рядом с трупом находишь такой сентиментальный предмет!

Спрятав медальончик от нескромных глаз милиции в карман, я оставила место происшествия. К счастью, в этот час двор был пустынным, и мне удалось остаться незамеченной.

Дойдя до таксофона, я зашла в будку и набрала номер Ванцова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.